

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2013 № 3

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г.
выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК
Минобрнауки России Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук (ред. 2011 г.)

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), www.elibrary.ru,
Ulrich's Periodicals Directory
издательства Bowker,
Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Университет г. Лунд (Швеция), www.doaj.org

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Вершинина И. А. Трансформация социальной структуры
в информационном городе ... **3**

Орлова В. В., Шестакова Д. К. Влияние социальной адаптации
на чувство локального патриотизма у приезжих студентов
(обучающихся в Томске) ... **18**

Карымов О. Н., Бязрова М. А. Отношение женщин к эстетической
медицине в крупном промышленном городе ... **27**

Подольская М. Н., Вешнева С. А. Социальные риски здоровья
в представлениях студентов городских комеджей ... **33**

Щелетков С. С. Выпускники вузов на рынке труда индустриального
российского города ... **42**

Меньшиков Л. А. Турист в современном городе ... **51**

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

Юшкова Н. Г. Город как интегрированная система ... **61**

Поляков В. Г., Яценко С. О. Экономическая справедливость
в городской среде ... **68**

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Барболина-Лойко А. С., Белоярская И. К. Северные города России:
градостроительные доминанты и структура городов ... **74**

АВТОРАМ

*Условия приема статей в редакцию и требования к авторским
оригиналам ... 82*

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашиков,
зам. председателя —
канд. техн. наук, доц. **В.И. Воробьев**

Члены редсовета:

д-р техн. наук, проф. **А.Н. Богомолов**,
канд.archit., проф. **А.В. Антюфеев**,
д-р экон. наук, проф. **О.В. Максимчук**,
д-р экон. наук, проф. **С.Н. Соколов**,
д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф.
В.И. Добренков,
д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**,
д-р соц. наук, проф. **В.В. Деларю**,
д-р соц. наук **Г.Н. Ильина**,
д-р ист. наук, проф. **А.Н. Буров**,
д-рarchit., проф. **Г.А. Птичникова**,
д-р экон. наук, проф. **В.Н. Казаков**,
д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова**,
д-р ист. наук, проф.
Н.А. Болотов,
нач. РИО **М.Л. Песчаная**

Адрес редакции:

400074, Волгоград,
ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2011

© Потоккина-Курилкина Т.М.,
дизайн обложки, 2008

Ссылка на журнал при цитировании
опубликованных в нем материалов
обязательна

CONTENTS

MAN IS IN CONTEMPORARY CITY

**Vershlnina I. A. Transformation of social structure
in the informational city ... 3**

**Orlova V. V., Shestakova D. K. The influence of social adaptation
on the sense of local patriotism in the visiting students
(studying in Tomsk) ... 18**

**Karymov O. N., Byazrova M. A. Women's attitude
towards esthetic medicine in a large industrial city ... 27**

**Podolskaya M. N., Veshneva S. A. Social risks of health
in representations of students of city colleges ... 33**

**Shchepetkov S. S. Graduates in the labour market in an industrial
Russian city ... 42**

Menshikov L. A. Tourist in modern city ... 51

SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS CONTROL

Yushkova N. G. City as an integrated system ... 61

**Polyakov V. G., Yashchenko S. O. Economic justice
in the urban environment ... 68**

ARCHITECTURAL SPACE OF MODERN CITY

**Barbolina-Loiko A. S., Beloyarskaya I. K. Northern cities of Russia:
urban planning dominants and city structure ... 74**

INFORMATION FOR AUTHORS

**Admission articles to the editors and the requirements for copyright
originals ... 82**

Внимание авторов и читателей!

Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России
по каталогу «Пресса России», подписной индекс **29507**,
и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru),
подписной индекс **E 29507**.

По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2012 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25, 96-99-96

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online)
на сайте ВолГАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/publishing/journals/city-sociology>)

УДК 316.012

*И. А. Вершинина***ТРАНСФОРМАЦИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
В ИНФОРМАЦИОНАЛЬНОМ
ГОРОДЕ**

Причины пространственной сегментации современных городов преимущественно экономические, однако ее последствия проявляются во всех сферах общественной жизни. Дуальность городов возникла как результат нескольких причин, которые подробно рассматриваются в статье. Трансформация социальной структуры привела к формированию двух различных стилей жизни, каждый из которых характеризуется определенными социальными отношениями и особым использованием городского пространства. Анализируется информационализм как одна из парадигм, объясняющих изменения в современных городах.

Ключевые слова:

социология города,
пространство,
сеть,
сетевое общество,
социальная структура,
неравенство,
дуальный город,
информационализм.

*I. A. Vershinina***TRANSFORMATION
OF SOCIAL STRUCTURE
IN THE INFORMATIONAL CITY**

The reasons for spatial segmentation of modern cities are mainly economic ones, but the consequences of this have an influence on all spheres of social life.

The duality of cities is a result of several causes, which are detailed in the article. The transformation of the social structure crystallizes in two very distinct lifestyles, each of them is characterized by special social relations and ways of using urban space. Informationalism is considered as one of the paradigms that explains the changes in modern cities.

Разработанная М. Кастельсом теория сетевого общества и предложенная им парадигма информационализма позволяют объяснить многие социальные процессы, которые мы наблюдаем в городах начала XXI в. Многие социальные трансформации стали следствием научно-технического прогресса, изменившего экономическую деятельность. Новая экономика, сетевая, как ее характеризуют многие западные исследователи [1], задает новые принципы структурирования социального пространства и приводит к серьезным изменениям социальной структуры.

В последней трети XX в. произошли важные события, в результате которых, как утверждает М. Кастельс, наши общества все в большей степени структурируются вокруг оппозиции между сетью и личностью [2, р. 3]. Несмотря на то, что сетевая форма социальной организации давно известна человечеству, нынешний этап принципиально другой. Современные сети представляют собой единые системы, способные работать в режиме реального времени в масштабе всей планеты.

Сеть представляет собой совокупность взаимосвязанных точек или узлов. Каждая сеть имеет свою специфику, поэтому то, что понимается под элементами сети, необходимо рассматривать отдельно в каждом случае. Сети — это гибкие, открытые структуры, способные к динамичным изменениям. Они пронизывают все сферы жизнедеятельности современного общества: в экономике они формируют глобальный рынок, в политике помогают выработке решений социальных проблем, сети средств массовой коммуникации создают гомогенность в культуре, сети наркотрафика способствуют интенсивному развитию организованной преступности и так далее. Все эти сети очень разные, но их объединяет то, что они расползлись по всему миру и оказывают значительное влияние на формирование социальных практик.

Технологическая революция последней трети XX в. способствовала трансформации двух основных измерений человеческой жизни — пространства и времени. Научные открытия и новые технологии позволили расширить границы рабочего времени и преодолеть расстояния, мешавшие индивидам активно взаимодействовать.

Key words:

urban sociology,
space,
nets,
network society,
social structure,
inequality,
dual city,
informationalism.

вать и сотрудничать друг с другом. Наиболее важные открытия, по мнению М. Кастельса, приходятся на 1970-е гг.: изобретение микропроцессора — 1971 г., возможность замещения одних генов другими, положившая начало генной инженерии, — 1973 г., появление микрокомпьютера (который позднее стали называть персональным компьютером) — 1975 г. [3, р. 2]. Использование новых технологий привело к серьезным социальным трансформациям. Информационные технологии изменили общество, социальную структуру, формы взаимодействия индивидов и многое другое. Оставаясь дома, мы теперь не только получаем информацию о важнейших событиях, происходящих в стране и мире, но и можем реагировать на эти события в своих блогах, искать единомышленников, создавать группы и организовывать различные акции и мероприятия. Интернет-сообщества, оперативно обмениваясь информацией и координируя свои действия, могут превратиться в реальное, а не виртуальное общественное движение, способное инициировать серьезные социальные изменения.

Массовые протестные движения на Ближнем Востоке в некоторых странах трансформировались в революции нового типа, которые журналисты уже окрестили «твиттеровскими». Они характеризуются активным участием молодежи и средних слоев — тех, кого называют «поколением Facebook». В итоге тунисский президент оказался в эмиграции, египетский — на скамье подсудимых, а ливийский лидер растерзан толпой, в Сирии правительство вынуждено применять силу для того, чтобы удержаться у власти.

Некоторые американские исследователи утверждают, что современный политик не имеет шансов на успех, если у него нет страницы на Facebook или Twitter. В глобальной деревне, предсказанной М. Маклюэном, опять начинают действовать механизмы приобретения власти и влияния, которые были характерны в племенную эпоху, когда вождем избирали того человека, которого все лично знали и уважали.

Современные технологии позволяют нам общаться со своими друзьями, делать покупки, работать и получать за это деньги из любой точки пространства, где есть компьютер, подключен-

Об авторе:

Вершинина Инна Альфредовна —
канд. социол. наук, доцент,
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
(МГУ),

Inna100@vandex.ru

Vershinina Inna Alfredovna —
Candidate of Sociological Science, Docent,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov (MSU)

ный к Всемирной сети. Произошедшие изменения не могли не сказаться на социальном пространстве и его восприятии. Как говорит М. Кастельс, это привело к тому, что город в своем традиционном понимании, каким мы его знали до начала информационной эпохи, перестает быть необходимым и теряет свою значимость [3, р. 1]. Пространственные границы довольно быстро стираются, в первую очередь между городами и пригородами. Соответственно, механическая солидарность, при которой принадлежность к определенной территории имела большое значение для индивида, окончательно уходит в прошлое [4].

Важную роль в этом процессе играет Интернет. В последней четверти XX в., как говорит М. Кастельс, произошло слияние воедино трех независимых процессов — предвестников появления новой общественной структуры, основывающейся, главным образом, на использовании сетей [5, р. 2]:

1) развития экономики, обеспечивающей гибкость управления и глобализацию капитала, производства и торговли;

2) стремления к построению общества, в котором будут господствовать ценности свободы личности и открытой коммуникации;

3) поразительного прогресса компьютеров и телекоммуникаций, оказавшегося возможным благодаря революции в микроэлектронике. В этих условиях Интернет — в недавнем прошлом малоизвестная технология, использовавшаяся только внутри изолированных групп специалистов по вычислительной технике, хакеров и контркультурных сообществ, — превратилась в движущую силу перехода к обществу нового типа — сетевому обществу, а через него — и к новой экономике.

Сеть в современном обществе обрела новую жизнь в результате распространения Всемирной паутины по всем странам и континентам. Сети обладают неоспоримыми конкурентными преимуществами благодаря свойственным им гибкости и адаптируемости — тем качествам, которые необходимы для выживания и преуспевания в условиях быстро меняющегося окружения [5, р. 1]. Это объясняет, почему сети сейчас получили широкое распространение во всех сферах общественной жизни, успешно конкурируют и во многом превосходят вертикально организованные корпорации и централизованные бюрократические структуры.

Сети на протяжении большей части истории человечества постоянно сталкивались с одной серьезной проблемой: вне зависимости от размеров и уровня сложности сети возникали немалые трудности при координации функций, при сосредоточении ресурсов для достижения соответствующих результатов, а следовательно, и при выполнении поставленной задачи в целом. Однако с внедрением новых информационных и коммуникационных технологий (в частности, Интернета) у сетей появилась возможность в полной мере продемонстрировать присущую им гибкость и адаптивность. Эти технологии позволяют осуществлять координацию задач и комплексное управление, результатом чего стало беспрецедентное сочетание гибкости и качества выполнения задач, скоординированного принятия решений и их децентрализованного выполнения, индивидуализированного самовыражения и глобальной горизонтальной коммуникации.

Технологические инновации второй половины XX в. способствовали появлению новой технологической парадигмы — информационализма. Причем

М. Кастельс настаивает именно на этом термине — «информационализм», говоря, что информационным обществом было всегда: на протяжении всей своей истории человечество испытывало необходимость в хранении, переработке и передаче информации. Новая парадигма информационализма характеризуется двумя основными чертами [3, p. 14]:

1. Основные новые технологии базируются на переработке информации. Знание и информация — ключевые элементы всех технологических революций, все современные технологии основаны на новом знании. Однако принципиальное отличие нынешней технологической революции от предыдущих заключается в том, что сегодня информация сама превратилась в то необработанное сырье, с которым мы имеем дело, и она же является конечным результатом.

2. Воздействие технологических революций приходится преимущественно на процесс производства, а не на результат труда. Новые продукты, которые стимулируют развитие экономики, конечно, появляются, но сама возможность их появления обусловлена существованием новых технологий, когда отдельные элементы процесса производства кристаллизуются в товары и услуги, предлагаемые на рынке. Технологический процесс является определяющим для тех продуктов, которые производятся.

Последнее утверждение об обусловленности производимых товаров существующими технологическими процессами становится одним из основных положений М. Кастельса, поскольку влечет за собой важные выводы. Процессы, в отличие от товаров, затрагивают все сферы человеческой активности, поэтому информационные технологии и вездесущие потоки информации, являющиеся их результатом, приводят к модификации всей социальной организации: меняется способ производства, потребления и управления, происходит трансформация всей нашей жизни и даже смерти. Информация всегда тесно связана с культурой, переработка информации — это, по большому счету, символическая манипуляция на основе существующего знания. Новые информационные технологии должны способствовать взаимовлиянию культуры общества, научного знания и развития производительных сил.

Индивиды должны научиться ориентироваться в потоках информации, так как она становится ключевым компонентом всех социальных процессов, в том числе и процесса производства. Повышая гибкость всех процессов, чтобы своевременно реагировать на появляющуюся информацию, новые технологии заставляют минимизировать дистанцию между экономикой и другими сферами общественной жизни.

Трансформация пространства также начинается с изменений в сфере производства. М. Кастельс утверждает, что есть комплекс исторически артикулированных преобразований, которые затронули совместно капитализм как социальную систему, информационализм как способ развития и информационные технологии как мощный рабочий инструмент. Этот комплекс социально-экономико-технической матрицы — это то, что изменяет общества и, как следствие, города и регионы [3, p. 3]. Происходящие трансформации пространственных форм и процессов М. Кастельс рассматривает как специфическое проявление взаимодействий между информационными методами развития (в двух своих измерениях: технологическом и организационном) и реструктуризацией капитализма.

Информационные технологии и производство, основанное на них, привели к четырем основным пространственным процессам, наиболее ярко характеризующим новый тип производства и новый продукт [3, p. 74]:

1. Четкое разделение труда внутри производства, на каждом из этапов которого используется разная рабочая сила, соответствующая определенным функциональным требованиям, что приводит к специфическим и различным пространственным проявлениям.

2. Доминирование в технической, социальной и пространственной иерархии функции производства информации, требующей инновационной среды и обладающей специфическими пространственными атрибутами, которые концентрируются в отдельных местах с ограниченным доступом.

3. Процесс децентрализации различных функций производства, воспроизводящий иерархическую модель внутренней структуры производства и соответствующей пространственной логики.

4. Производство высоких технологий характеризуется чрезвычайно высокой гибкостью месторасположения, исключение составляет только высший уровень инновационного окружения. Эта гибкость является результатом тесных взаимосвязей индустрии со своими рынками в условиях постоянных изменений месторасположения этих рынков.

Одним из примеров реализации нового подхода к организации работы и создания инновационной среды для своих сотрудников является корпорация «Google Inc.». Поисковая система Google, на сегодняшний день крупнейшая в мире, возникла как учебный проект и начала свою работу всего 15 лет назад, в сентябре 1997 г.; через год, в 1998 г., была зарегистрирована компания. Ее основатели пока не перешагнули даже 40-летний рубеж. В 2011 г. «Google Inc.» была признана компанией с наилучшей репутацией в США, а по версии британского агентства «Brand Finance» стала самым дорогим брендом в мире, опередив «Microsoft» (2 место) и «IBM» (4 место). Правда, в 2012 г. она уступила первое место «Apple», сделавшей резкий рывок на вершину рейтинга с восьмого места после смерти своего создателя. Но интересен и другой факт: в 2012 г. первые четыре места среди самых дорогих брендов мира впервые принадлежали компаниям, связанным с информационной экономикой («Apple», «Google Inc.», «Microsoft» и «IBM») [6]. Это подтверждает тезис о ее стремительном развитии. Но вернемся к анализу «Google Inc.».

В начале года журнал «Fortune» публикует ежегодный рейтинг компаний, предоставляющих лучшие условия работы. В 2013 г. «Google Inc.» четвертый раз заняла в этом рейтинге первое место (она уже была на первой строчке в 2008, 2009 и 2012 гг.). В чем секрет успеха «Google Inc.»?

Основатели «Google Inc.» постарались создать максимально комфортную атмосферу для творческой работы. Сотрудники главного офиса в США получили общественные пространства и сервисную инфраструктуру в шаговой доступности от своих рабочих мест. Компания позволила тем людям, которые на нее работают, самостоятельно определять время своего присутствия в офисе, понимая, что для одних сотрудников наиболее продуктивными могут быть утренние часы работы, для других — вечерние; в любое время можно бесплатно поесть в одном из многочисленных кафе на территории офиса, позаниматься спортом. Создав идеальные условия работы, обеспечивающие комфорт и высокую продуктивность, компания заботится о том, чтобы разнообразить дея-

тельность своих работников: программисты не только пишут код, но также слушают и читают открытые лекции для своих коллег, проводят собеседования. «Google Inc.» постоянно привлекает новых сотрудников, поэтому собеседования проводятся регулярно, особенно много их бывает летом, когда на практику приезжают студенты и аспиранты из университетов всего мира. Но, пожалуй, самое важное для представителей творческих профессий, к которым можно отнести программистов, это то, что у них всегда есть выбор. Компания платит высокие зарплаты для того, чтобы получать прибыль, реализуя те проекты, которые рассматриваются как наиболее перспективные, им уделяется большая часть внимания. Однако каждый сотрудник 20 % своего рабочего времени может посвящать проектам, которые ему кажутся наиболее интересными, даже если эти проекты не являются приоритетным для компании.

Изначально высокотехнологическое производство концентрировалось в наукоградах, примером которых является Силиконовая (Кремниевая) долина в США или Бангалор в Индии. Однако интернационализация производства и чрезвычайно высокая пространственная гибкость довольно быстро привели к тому, что сейчас некоторые компании перестали собирать своих сотрудников, работающих над созданием новых информационных технологий, на одной территории. Главное условие их эффективной работы — наличие единого информационного пространства, а территориальное единство уже перестало быть обязательным, хотя наукограды и крупные научно-исследовательские лаборатории не становятся достоянием прошлого, поскольку то инновационное окружение, которое они создают, по-прежнему позволяет производить большое количество информации в короткие сроки и дает больше возможностей для контроля над производственным процессом.

Инновационные центры часто располагаются вблизи мегаполисов. М. Кастельс объясняет это их высокой конкурентоспособностью по сравнению с другими городами. Мегаполисы отличаются глобальной включенностью и локальной исключенностью одновременно [2, с. 434—435]. Мегаполисы связаны с глобальными сетями и глобальными сегментами их собственных стран и ориентируются именно на них, игнорируя все остальные. Именно они оказываются в центре внимания ученых на сегодняшний день.

Поскольку города состоят из людей и создаются людьми, а большинство людей заняты в сфере производства, то влияние технологий на трудовые отношения М. Кастельс называет решающим фактором в рассмотрении динамики социальных отношений в урбанизированном пространстве [3, с. 172]. Города на протяжении всей истории человечества были более тесно связаны с изменениями, чем сельская местность. Инновации, как правило, рождаются в городах и распространяются по ним с очень высокой скоростью, особенно сейчас, после научно-технической революции последней трети XX в. З. Бауман даже утверждает, что «город и социальные изменения — почти синонимы. Изменения — это изменения качества городской жизни и формы городского существования» [7, с. 26]. Еще классики социологии говорили о том, что именно город должен находиться в центре внимания исследователя. Изучение города — первый шаг к решению социальных проблем, по мнению Р. Парка [8]. Город — это социальная лаборатория, в которой работает исследователь, потому что социальные проблемы — это, прежде всего, проблемы города.

Прогноз некоторых ученых о скором исчезновении города пока не оправдывается, поэтому социальные процессы на урбанизированном пространстве продолжают оставаться в центре внимания социологов. З. Бауман объясняет особую роль города в развитии общества спецификой социальных отношений, которые характерны для городов. По его мнению, «именно обилие незнакомцев, постоянных незнакомцев, вечных незнакомцев, делает города благоприятной средой для изобретений и нововведений, рефлексивности и самокритики, неудовлетворенности, несогласия и стремления к лучшему» [7, с. 27]. Таким образом, социальные трансформации, ставшие следствием технологической революции и переходом к сетевому обществу, следует рассматривать, в первую очередь анализируя те социальные процессы, которые происходят в городе. Город, дав толчок социальным изменениям, стал их главной площадкой.

Городу всегда была свойственна двуликость, которую создавало тесное соседство изобилия и нищеты. В истории городов не было периодов, когда рядом с роскошными особняками не бродили бы бездомные. Эта особенность городов была подмечена еще классиками социологии, которые признали город территорией резких контрастов. Неолиберальный капитализм, усиливая социальное неравенство, продолжает раскалывать города на две части: ухоженные благополучные кварталы и районы трущоб. Глобальное неравенство к концу XX в., по оценкам экономистов Всемирного банка, достигло невероятного для коэффициента Джини уровня 0,67, что в математическом отношении эквивалентно ситуации, когда две трети беднейшего населения мира не имеет ничего, а богатейшая треть — все [9]. Однако традиционное неравенство, характерное для городов на протяжении многих веков, так же как и многое другое, трансформируется с приходом сетевого общества.

Переход к экономике, в основе которой лежат высокие технологии, продвинул проблему, которой не возникало при переходе от сельскохозяйственного общества к индустриальному. Знания, навыки и умения рабочей силы из тех секторов экономики, которые сокращаются, не соответствуют тем требованиям, которые предъявляют к работникам новые быстроразвивающиеся отрасли производства. Социальная структура современных городов формируется в условиях снижения спроса на представителей одних профессий и растущей востребованности других. Однако несоответствие требований к сотрудникам не позволяет компенсировать сокращение численности работников в одной отрасли экономики за счет увеличения их количества в другой, так как их квалификация не устраивает работодателей. Это принципиальное отличие нынешней технологической революции от предыдущих, когда пере-квалификация не вызывала серьезных проблем. Новые технологии требуют большого объема знаний.

Поскольку наукоемкое производство концентрируется преимущественно в городах, неизбежно происходит усиление поляризации. Рабочие, невостребованные традиционными отраслями производства, сталкиваются со снижением уровня жизни, так как им сложно найти свое место в новой экономике. Трудовые ресурсы, востребованные в наукоемком производстве, рекрутируются из наиболее образованных социальных групп. Однако в условиях высокотехнологичной экономики даже им постоянно приходится приобретать новые знания, чтобы повышать свою квалификацию и не столкнуться с угрозой нисходящей мобильности.

Изменения на рынке труда приводят к формированию ярко выраженной дуальности города, потому что социальная структура становится резко стратифицированной и сегментированной. В городах выделяются и резко отличаются друг от друга высококвалифицированная рабочая сила, низкоквалифицированная рабочая сила, а также те, кто подвергается исключению, или эксклюзии, из общества.

Можно сказать, что в конце 1960-х — начале 1970-х гг. начинается новый этап социально-экономического развития: «В обществе широко разворачивается телекоммуникационная революция, меняющая экономическую сферу и всю сферу труда в широком смысле слова» [10]. Потребность во все меньшем количестве рабочих для производства необходимых товаров и услуг, массовые сокращения и рост безработицы как среди синих, так и среди белых воротничков позволили американскому экономисту Дж. Рифкину заявить о начале пострыночной эпохи и конце труда. Последняя промышленная революция создает элиту профессионалов, занятых в сфере производства знания, и вытесняет значительную часть людей из средних слоев в низшие. Это происходит вследствие того, что две трети новых рабочих мест, которые предлагаются на рынке труда, находятся в низкооплачиваемых секторах и, как правило, предполагают лишь временную занятость [11]. Мы теряем хорошо оплачиваемую работу во всех секторах, кроме одного — информационного. Человек вытесняется из процесса производства так же, как в свое время лошади были вытеснены тракторами из сельского хозяйства.

Интенсивное развитие идет не только в индустрии знаний. М. Кастельс отмечает, что в современном мире можно выделить два одинаково динамично развивающихся сектора экономики: экономику, базой которой является информация, и неформальную экономику, в основе которой лежит низкоквалифицированный труд [3, с. 225]. Это еще один аспект новой дуальности городов в сетевом обществе. Неформальная занятость имеет свою специфику и не может приравниваться к низкой оплате труда в официальной, нетеневой экономике. Ее особенность, по мнению М. Кастельса, заключается в том, что, несмотря на концентрацию теневой экономики в больших городах, несмотря на наличие многочисленных символических связей между двумя динамично развивающимися секторами, трудовые отношения и процессы выстроены таким образом, что лишают неформально занятых возможности подняться наверх. Экономика, а как следствие и общество, становятся функционально артикулированными, но организационно и социально сегментированными.

Одним из последствий развития новых секторов экономики становится сокращение численности средних слоев, социальная структура становится менее открытой для профессиональной вертикальной мобильности, нежели это было в недавнем прошлом. Верхние слои профессиональной социальной структуры становятся более многочисленными, но при этом они оказываются вполне самодостаточными, у них нет острой необходимости во взаимодействии с представителями других социальных групп. Одновременно представители среднеквалифицированной рабочей силы начинают ощущать, что знания, навыки, умения и привилегии высшего класса, состоящего из профессионалов, являются для них недостижимыми.

Следствием трансформации рынка труда является еще одно измерение городского неравенства, о котором говорит М. Кастельс. Оно связано с раз-

рывом коммуникации между жизненными мирами двух категорий городских жителей: «Пространство высшего слоя обычно связано с глобальной коммуникацией и обширной сетью обмена, открытой к посланиям и событиям, которые охватывают весь мир. На другом конце спектра сегментированные локальные сети, зачастую имеющие этническую основу и считающие своим главным ресурсом идентичность, отстаивают свои интересы и, в конечном счете, саму свою суть» [3, с. 228].

Дуальность современных городов стала результатом нескольких причин: роста информационного сектора и падения роли индустриального, повышения и понижения значимости различных видов труда, различий между формальной и неформальной сферами и поляризации профессиональной структуры. Все вышперечисленное способствовало формированию сильно дифференцированной рабочей силы, которая кристаллизуется во вполне определенных стилях жизни, отличающихся способами ведения домашнего хозяйства, внутрисемейными отношениями и использованием городского пространства.

Автор концепции глобального города С. Сассен говорит о том, что вследствие глобализации возникает новое неравенство и исчезает средний класс [12]. При этом глобализация способствует росту ценности высокопрофессиональных работников, главным образом в корпоративном секторе, при обесценивании других типов экономической активности. С. Сассен практически не рассматривает безработицу как причину бедности в глобальных городах. Ее гораздо больше интересуют низкооплачиваемые виды деятельности. По ее мнению, растущие сектора глобальных городов способствуют увеличению числа низкооплачиваемых рабочих мест. Так как одновременно с этим растет число высокооплачиваемых рабочих мест, то глобальные города — наиболее яркие примеры социальной поляризации.

Социальное неравенство отражается при помощи различных архитектурных и градостроительных средств. Новая социальная структура отчетливо прослеживается в современных городах. Неравенство «может определяться организацией разделения и противопоставления функциональных пространств, например формированием особых мест и системы их размещения для выполнения социально-политических ролей определенных групп населения (мест политического взаимодействия властей и т. п.), формированием городской структуры для выполнения социально-экономических функций (рынок, банки, различные финансово-экономические учреждения), разделением мест проживания состоятельных слоев населения и малоимущих, выделением и отделением территорий для лиц с какими-либо ограничениями (этническими, асоциальными), выделением пространства репрессий (тюрем), смерти (кладбищ, крематориев) и др.» [13, с. 47]. Новая социальная структура выражается во внутригородской системе расселения и использования пространства.

Таким образом, можно говорить о том, что в современных городах формируются параллельные пространства, жители каждого из которых характеризуются своим собственным жизненным миром. Структурные позиции в системе производства и потребления, связанные с определенным образом жизни, предполагают кардинальные отличия в финансовых средствах и социокультурных навыках. Это ведет к формированию дуального города, в котором активно идет процесс пространственной сегментации.

Причины для пространственной сегментации возникли в экономической сфере, однако последствия этого явления касаются всех сфер общественной жизни. Экономическое неравенство продуцирует неравенство и в других областях: «Сегрегация пространства в одном случае (для большой группы элиты) не ведет к изоляции, исключение касается только коммуникаций с другими компонентами общего социального пространства; одновременно сегрегация и сегментация для этнических меньшинств, рабочих и иммигрантов усиливает тенденцию к уменьшению мира до своей специфической культуры и локального опыта, в который проникают только стандартизированные телевизионные образы» [3, с. 227]. В дуальном городе друг другу противостоят космополитизм информационного сектора и локальность сегментированных секторов реструктурированного труда.

Об этой тенденции говорит не только М. Кастельс, но и З. Бауман: «Из этого описания возникает картина двух отдельных и обособленных жизненных миров. Только второй из них территориально ограничен и может быть пойман в сети ортодоксальных, географических, мирских и “земных” представлений. Жители первого мира могут, как и все остальные, находиться “на месте”, но они не принадлежат ему — разумеется, духовно, но нередко, когда у них возникает такое желание, и телесно» [7, с. 34]. Те, кто принадлежит к высшему слою, обладают широкими возможностями и правом выбора. Их свобода самостоятельно решать свою судьбу, в частности выбирать место проживания, ослабляет связи с городом, лишает их привязанности к нему. Как констатирует З. Бауман, «люди “высшего слоя” явно не принадлежат месту, в котором они проживают. Мысленно они находятся (или, скорее, плавают) в другом месте. Можно предположить, что, помимо того, что их никто не трогает, что они вольны сами распоряжаться своим временем и что они гарантированно получают услуги, необходимые для (все же определенного) жизненного комфорта, у них нет никаких иных интересов в городе, где находится их место жительства. Городское население не является для них своеобразным “пастбищем”, источником богатства или объектом опеки, заботы и ответственности, каким оно было для владельцев фабрик и торговцев товарами и идеями прошлого. Поэтому их, вообще говоря, не беспокоят дела “их” города — это просто одно место из множества других, а все они несущественны с точки зрения киберпространства, их подлинного, хотя и виртуального, дома» [7, с. 34]. Таким образом, высшие слои общества постепенно «отрываются» от городов, в которых они живут, для того чтобы стать частью глобального пространства. Имеющиеся возможности для пространственных перемещений способствуют утрате чувства принадлежности определенному городу и способствуют развитию космополитизма.

Ситуация, характерная для низших слоев общества, кардинально отличается от той, что была описана выше. Жизненный мир данной категории городских жителей «определяется, прежде всего, оторванностью от международной сети коммуникации, с которой связан “высший слой” и на который ориентирована вся его жизнь. Они “обречены оставаться локальными”, поэтому можно и нужно ожидать, что их внимание, полное неудовлетворенности, грез и надежд, будет приковано к “локальным вопросам”. Для них борьба за выживание и достойное место в мире начинается, ведется, проигрывается или выигрывается в городе, в котором они живут» [7, с. 35]. Городские низы

лишены возможности выхода на глобальный уровень. Их потребности и интересы, как правило, не требуют выхода за пределы городских границ. Если они все же уезжают в поисках лучшей жизни в другие города, регионы или страны, то это решение обычно является вынужденным и связано с невозможностью обеспечить своей семье достойный уровень жизни. Однако большинство продолжает бороться за выживание в своем городе, который хорошо знаком, и не рискует его покидать.

Дуальность города демонстрирует изменения, произошедшие в экономике и социально-профессиональной структуре общества. В современных городах мы можем наблюдать постоянное увеличение разрыва между двумя большими социальными слоями. С одной стороны мы видим рабочих, столкнувшихся со снижением социального статуса, причисленных ко второму сорту, вынужденных рассчитывать, прежде всего, на свое физическое здоровье. Они не способны конститuirовать класс, потому что представляют собой множество территориально сегрегированных, культурно сегментированных и социально дискриминируемых общностей, которые сильно отличаются по своим позициям в системе новых производственных отношений [3, p. 228]. С другой стороны находится довольно большая доля населения (по оценкам М. Кастельса, от одной четверти до одной трети в высокоурбанизированных районах), которая занимает стратегическую позицию в системе информационного производства. Имея высокий культурный уровень и хорошее образование, ее члены получают соответствующее вознаграждение в виде дохода и социального статуса, которые позволяют им занять надлежащее место в системе стратификации, а их организационные способности и социальная значимость позволяют контролировать принятие основных политических решений. Хотя они не являются правящим классом в классическом понимании, этому классу не обязательно управлять государством, для них достаточно того, что они придают форму гражданскому обществу.

Этот класс новых профессионалов, в котором доминируют белые мужчины, постепенно присваивает эксклюзивное пространство на рынке недвижимости и делает проживание на этой территории высокой ценностью. Как правило, это оказываются наиболее привилегированные центральные районы города, дома которых визуальнo и материально демонстрируют то, что этот класс является главным актором в современном обществе [3, p. 228]. Фундаментальным процессом, формирующим дуальность современных городов, стала пространственная дифференциация, в результате которой выделяются различные сегменты общества, одни из которых включаются, а другие, наоборот, исключаются из создания новейшей истории.

Экономические и социальные трансформации затрагивают политическую сферу. Происходит переоценка ценностей, и на смену государству всеобщего благоденствия (*welfare state*), по мнению М. Кастельса, должно прийти государство всеобщей борьбы (*warfare state*). Он прогнозирует, что новый класс профессионалов будет одним из главных «могильщиков» государства всеобщего благоденствия, так как содержание социальных групп с низким уровнем доходов за счет уплаты высоких налогов противоречит их интересам [3, p. 236]. Государство всеобщей борьбы предполагает создание новых видов вооружения на основе современных технологий и интенсивное развитие оборонной промышленности. Министерство обороны, по прогнозу М. Кастельса,

должно стать одним из главных работодателей, по крайней мере в Соединенных Штатах Америки, поскольку развитие высоких технологий и милитаризация — тесно связанные между собой процессы.

Гибель государства всеобщего благоденствия разрушает систему федеральных программ помощи малоимущим, и значительная часть городских жителей проваливается в трещину, возникшую в новой экономике. Государственная политика приводит к процессу дуализации как рынка труда, так и жилых районов в высокоурбанизированных регионах. Дуальность как неотъемлемый атрибут информационного города институционализируется государством, бросающим на произвол судьбы неблагополучные районы, которые быстро криминализируются, в то время как различные ресурсы концентрируются в благополучных районах с растущим уровнем потребления. Государство рассматривает контроль и стратегическое управление знаниями как основные источники своей власти в современных условиях и форсирует создание передовой технологической инфраструктуры.

Кризис государства всеобщего благоденствия в первую очередь затрагивает регионы с неблагополучной экономической ситуацией. Параллельное развитие и процветание высокотехнологичных регионов способствует региональной дифференциации и создает все условия для формирования в ближайшем будущем государства всеобщей борьбы. Особенно взрывоопасной становится ситуация в мегаполисах: «В настоящее время в современных городах большое количество различных барьеров указывает на неблагоприятное состояние общества, всеобщее недоверие и ожидание угрозы и нападения» [13, с. 51]. Хотя в целом по странам это пока не сильно бросается в глаза за счет того, что развитие высоких технологий не всегда происходит в тех районах, которые в экономическом отношении раньше считались наиболее развитыми. Когда экономические центры осознают необходимость развития высоких технологий на своей территории, начинается интенсивный процесс субурбанизации. В центре города, который формировался на протяжении многих десятилетий или даже столетий, размещение инновационных районов организовать довольно сложно, иногда даже невозможно, поэтому развитие информационных технологий требует выхода за пределы сформировавшихся границ. Размещение индустрии высоких технологий за пределами городских границ приводит к созданию новых городских окраин, не малоэтажного жилья для среднего класса, а районов с довольно плотной застройкой, поскольку многочисленные сотрудники высокотехнологичных производств нуждаются в жилье и развитой инфраструктуре.

Одним из примеров новых субурбанизированных районов может служить «Сколково». Когда в 2009 г. было принято решение о создании современного технологического центра, то оказалось, что оптимальным местом для его размещения является ближнее Подмосковье. Инновационный центр начали строить в 2 км от МКАДа, недалеко от деревни Сколково, которая и дала ему название. Несмотря на то, что строительство началось недавно и сданы только первые объекты, в районе уже начала интенсивно развиваться инфраструктура. Схожие процессы можно было наблюдать после формирования в пригородах Сан-Хосе американской Силиконовой (Кремниевой) долины, когда город начал стремительно расти и в 1990-е гг. обогнал по чис-

ленности населения близлежащий Сан-Франциско, который изначально был центром агломерации. Сейчас Сан-Хосе входит в десятку крупнейших городов США.

Изменения в сфере производства способствовали конституированию нового класса профессионалов в области высоких технологий, который формирует свое эксклюзивное пространство с ограниченным доступом для тех, кто не смог вписаться в информационную экономику. Они беспрепятственно взаимодействуют друг с другом, несмотря на разделяющие их города, страны и континенты. При этом они пытаются максимально дистанцироваться от локального сообщества, не чувствуя связи с теми, кто близок им исключительно в территориальном измерении. Новая геометрия пространства отрицает значение каких-либо районов и территорий, если они не вписаны в структуру сетевого общества.

Традиционно социальные институты и механизмы социального контроля имели территориальную привязку, однако с развитием новых технологий эта пространственная связь была разорвана. Город и даже общество теряют свою значимость в современном мире, который предлагает новую логику конституирования пространства, в основе которой оказались изменчивые потоки информации, создающие общую сеть, в рамках которой происходят разнообразные взаимодействия. Бессмысленность территориальной привязанности и бессилие политических институтов в условиях выхода на первый план функциональности пространства вызывают негодование и протест различных социальных акторов, однако пока не приводят к каким-либо существенным изменениям.

Итак, мы становимся свидетелями формирования под мощным воздействием новой коммуникационной системы, опосредованной социальными интересами, политикой правительств и стратегиями бизнеса, новой культуры — культуры реальной виртуальности [2, р. 335]. Формируется система, в которой сама реальность полностью виртуальна, а фундаментом этой новой культуры выступает не традиционное пространство мест, а пространство потоков. Данная проблематика не только довольно активно обсуждается западными социологами, но и нашла свое отражение в отечественной литературе. Д. В. Иванов считает, что теория потоковых структур наиболее актуальна в мире, где вместо постоянных ценностных ориентаций и идентичностей жизнь людей все чаще структурируют проекты: «Проекты как ограниченные по времени целевые программы деятельности быстро сменяют один другой и задают тот режим краткосрочных фаз активности и вовлеченности, в котором индивиды стремятся к результатам в карьере, образовании, отдыхе, развлечениях и даже в семейной жизни» [14, с. 13]. По его мнению, проектная логика жизни характерна теперь для большинства людей, вовлеченных в диктуемую культурой потребления гонку за показателями успешности.

Теория потоковых структур помогает объяснить, по мнению Д. В. Иванова, и современное неравенство, когда вместо статичного разделения на имущих и неимущих возникает неодинаковая динамика потребления с разделением на сейчас-имущих и потом-имущих: «В обществе массового потребления, где обладание предметом быстро перестает быть индикатором статуса, как это произошло с автомобилем, затем с персональным компьютером и теперь с мобильным телефоном и модными брендами, имеет смысл

вместо стратификации рассматривать эшелонирование. В то время как потребители второго и третьего эшелонов ждут сезона распродаж и приобретают подержанные вещи, лидеры консюмеризма могут не только переходить к следующей фазе потребления, но и, пройдя пик в этой потребительской гонке, становиться дауншифтерами» [14, с. 14]. Согласно концепции потоковых структур, опускаясь по стратификационной лестнице, они опережают по статусу тех, кто находится во втором эшелоне, то есть в предшествующей фазе потребительской гонки. Однако низкоквалифицированные работники, как правило, занятые в неформальном секторе экономики, вынуждены оставаться в самом низу системы социального неравенства.

Все вышеописанное мы легко можем увидеть в любом из мегаполисов современного мира, хотя каждый из них, безусловно, имеет и свои особенности. Мегаполисы аккумулировали основные потоки капитала, власти и информации, характерные для информационной экономики, и поэтому сами стали информационными городами. Они стали важной частью сетевой экономики в своей стране и за ее пределами, хотя еще не всем из них удалось стать глобальными городами, как их понимает С. Сассен. М. Кастельс называет мегаполисы (mega-cities) новой городской формой, для которой характерна глобальная включенность и локальная исключенность [2, р. 436]. Несмотря на огромное количество социальных проблем во всех без исключения мегаполисах мира, число последних растет, так же как и число людей, в них проживающих. Они стали экономическими, политическими, научными и культурными центрами в современном мире, поэтому сохранят свою привлекательность в ближайшем будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Stock W. G.* Informational Cities: Analysis and Construction of Cities in the Knowledge Society // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2011. № 62(5). P. 963.
2. *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age, Society and Culture. Vol. 1. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010.
3. *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford — Cambridge : Blackwell, 2002a.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996.
5. *Castells M.* The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. New York : Oxford University Press, 2002.
6. Brand Finance Global 500. The annual report on the world's most valuable global brands. March 2012. URL: http://www.brandfinance.com/images/upload/bf_g500_2012_web_dp.pdf. P. 8—12.
7. *Бауман З.* Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3.
8. *Парк Р.* Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 4.
9. *Дэвис М.* Планета трущоб // Логос. 2008. № 3. С. 118.
10. *Полякова Н. Л.* XX век в социологических теориях общества. М. : Логос, 2004. С. 16.
11. *Rifkin J.* The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. N.-Y. : G. P. Putnam's Sons, 1995.

12. *Sassen S.* Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис. 2005. № 1 (2). С. 279.

13. *Птичникова Г. А.* «Несправедливый город»: городское пространство как отражение общественных отношений // Социология города. 2012. № 3.

14. *Иванов Д. В.* К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4.

1. *Stock W. G.* Informational Cities: Analysis and Construction of Cities in the Knowledge Society // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2011. № 62(5). R. 963.

2. *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age, Society and Culture. Vol. 1. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010.

3. *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford — Cambridge : Blackwell, 2002a.

4. *Dyurkgeym E.* O razdelenii obshchestvennogo truda. M. : Kanon, 1996.

5. *Castells M.* The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. New York : Oxford University Press, 2002.

6. Brand Finance Global 500. The annual report on the world's most valuable global brands. March 2012. URL: http://www.brandfinance.com/images/upload/bf_g500_2012_web_dp.pdf. S. 8—12.

7. *Bauman Z.* Gorod strakhov, gorod nadezhd // Logos. 2008. № 3.

8. *Park R.* Gorod kak sotsial'naya laboratoriya // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2002. Т. 2. № 3. S. 4.

9. *Devis M.* Planeta trushchob // Logos. 2008. № 3. S. 118.

10. *Polyakova N. L.* XX vek v sotsiologicheskikh teoriyakh obshchestva. M. : Logos, 2004. S. 16.

11. *Rifkin J.* The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. N.-Y. : G. P. Putnam's Sons, 1995.

12. *Sassen S.* Global'nye goroda: postindustrial'nye proizvodstvennye ploshchadki // Prognosis. 2005. № 1 (2). S. 279.

13. *Ptichnikova G. A.* «Nespravedlivyy gorod»: gorodskoe prostranstvo kak otrazhenie obshchestvennykh otnosheniy // Sotsiologiya goroda. 2012. № 3.

14. *Ivanov D. V.* K teorii potokovykh struktur // Sotsiologicheskies issledovaniya. 2012. № 4.

© Вершинина И. А., 2013

Поступила в редакцию
в июне 2013 г.

УДК 364.64

*В. В. Орлова,
Д. К. Шестакова*

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ
НА ЧУВСТВО
ЛОКАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА
У ПРИЕЗЖИХ СТУДЕНТОВ
(ОБУЧАЮЩИХСЯ В ТОМСКЕ)**

Томск является студенческим городом, студентов здесь много больше, чем в любом другом нестоличном городе России. В процессе освоения территории человек осознает свою принадлежность к ней, а вместе с этим — принадлежность к сообществу, которое ее населяет. Результат такого процесса принято называть территориальной идентичностью. «Гнездо» выборки составили приезжие студенты старших курсов Томского университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). Для исследования выбран метод формализованного интервью. Полученные данные выявили пласт проблем, делающих дальнейшие исследования по данной проблематике актуальными.

Ключевые слова:

город,
городская среда,
вернакулярное восприятие,
патриотизм.

*V. V. Orlova,
D. K. Shestakova*

**THE INFLUENCE OF SOCIAL
ADAPTATION ON THE SENSE
OF LOCAL PATRIOTISM
IN THE VISITING STUDENTS
(STUDYING IN TOMSK)**

Tomsk is a student city, there are more students here than in any other city in Russia. In the process of territory development a person becomes aware of belonging to it, and with it - and this is important - belonging to a community that inhabits it. The result of such process is known as territorial identity. "The net" was made up of visiting students of upper forms of Tomsk University of Management System and Radio Electronics. Structured

Томск является студенческим городом, студентов здесь много больше, чем в любом другом нестоличном городе России. Это обуславливается наличием на территории города значительного количества образовательных учреждений. Престиж вузов Томска, широкий круг направлений подготовки специалистов — эти уникальные условия делают Томск привлекательным для абитуриентов не только из различных регионов РФ, но и из других стран.

В процессе освоения территории человек осознает свою принадлежность к ней, а вместе с этим — и это главное — принадлежность к сообществу, которое ее населяет. Результат такого процесса принято называть территориальной идентичностью. Даже в условиях оторванности от вернакулярных территорий студенты из других городов не теряют потребности в дифференциации осваиваемого ими пространства и рефлексии по поводу места своего обитания. Такие места характеризуются тем, что их жители испытывают по отношению к данным территориям определенные чувства — локальный патриотизм [1]. Этот феномен особенно актуален в условиях городской среды, т. к. в город стекается большое количество финансовых и человеческих ресурсов, формируется большое количество ресурсов культурных и интеллектуальных.

Городская среда привлекательна ввиду тех возможностей, которые она предоставляет для личностного роста и самореализации индивида. Эти возможности обусловлены вышеперечисленными характеристиками городского образа жизни, которые не одинаково представлены и важны для разных людей. Одни люди выделяют для себя, придают значение одним характеристикам, другие люди — другим характеристикам. Восприятие есть, по сути, процесс символического конструирования среды, процесс конструирования реальности посредством придания значимости и смысла ее отдельным фрагментам. Образы восприятия — это одновременно опыт проживания в определенной среде и социокультурный проект желаемого состояния в будущем [2].

В соответствии со своим восприятием и ожиданиями каждый приезжий студент выстраивает для себя определенный образ окружающего его нового пространства, адаптируется к этой

interview method was chosen for the investigation. The results revealed some problems that make the following research of this issue quite relevant.

Key words:

city,
city environment,
comprehension,
patriotism.

Об авторах:

Орлова Вера Вениаминовна —
д-р социол. наук,
профессор кафедры философии
и социологии,
Томский университет систем управления
и радиоэлектроники (ТУСУР),
orlova_vv@mail.ru

Orlova Vera Veniaminovna —
Doctor of Sociological Science,
Professor of Philosophy and Sociology Department,
Tomsk University of Management System
and Radio Electronics

Шестакова Дарья Константиновна —
студентка гуманитарного факультета,
Томский университет систем управления
и радиоэлектроники (ТУСУР)

Shestakova Darya Konstantinovna —
Student of Humanitarian Faculty,
Tomsk University of Management System
and Radio Electronics

среде, вырабатывает способы взаимодействия с ней, формирует целостный образ своего нового мира. Этот образ зависит от множества факторов: социального окружения, бытовых трудностей, столкновения ожиданий и реальности, ощущения покоя и защищенности.

Проживание в другом городе (возможно, даже в другой стране), вынужденная необходимость взаимодействовать с местной средой стимулируют выработку вернакулярного восприятия, определяют желание наилучших условий существования в заданных условиях. Вначале чувства проявляются в виде формулировок: «Я хочу, чтобы здесь стало лучше, потому что в данный момент я здесь живу», «Я желаю этому месту лучшего, т. к. я вынужден здесь находиться». С течением времени, по мере все более длительного проживания, «отдаления» дома, налаживания быта эти чувства трансформируются в более зрелое чувство локального патриотизма.

Чувство патриотизма, в зависимости от условий формирования, на которые непосредственное влияние оказывает адаптация индивида в новом социуме, может быть направлено на территорию непосредственного проживания студента, место его «прописки»: на Россию (если студент приехал из другой страны), на город Томск, на район проживания студента (административный район города, студенческих городок), место проживания (например, общежитие). Кроме того, в зависимости от того, насколько удачно проходит адаптация на различных уровнях, чувство патриотизма может быть направлено и на умозрительно конструируемые пространства и территории, например на целостно воспринимаемое пространство родного вуза, факультета, кафедры и т. д.

Можно привести примеры влияния адаптации на новом месте на чувство патриотизма. Так, если студент чувствует, что у себя на родине у него нет таких широких возможностей и перспектив, как здесь, и здесь ему комфортно, и он востребован, он может стать патриотом России. Если понравился город, хорошо освоился, нашел друзей — студент становится патриотом Томска. Если не нравится город, но получилось реализовать себя в учебе, научной, культурно-массовой деятельности — становится патриотом вуза, кафедры.

Томский университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), как и любой другой вуз и город в целом, заинтересован в том, чтобы иногородние студенты хорошо адаптировались в местном социуме, в том, чтобы у них формировался положительный образ Томска и вуза, что является непрерывным условием поддержания высокого имиджа ТУСУР и всего города в России и за рубежом. От того, насколько естественные и положительные чувства к Томску и ТУСУР сформируются у студентов, зависит, останутся ли они здесь работать или продолжать образование, будут ли они отстаивать интересы города и вуза, посоветуют ли учиться здесь своим знакомым, отправят ли сюда своих детей.

Переезд в другой город, смена привычной обстановки, привычного круга общения, необходимость самостоятельно налаживать быт на новом месте — это лишь немногие проблемы, которые вынуждены решать иногородние абитуриенты. Изучение данной проблематики поможет выявить, с какими еще проблемами сталкиваются молодые люди, поступившие в ТУСУР, как эти факторы влияют на их отношение к вузу и городу в целом, как можно этих проблем избежать, чтобы сформировать у студентов чувство патриотизма и гордости за место, где им довелось жить и учиться.

Термин «адаптация» (от лат. *adapto* — приспособляю) был введен в научный обиход в XVIII в. Употребляется он для обозначения способности живых организмов изменять свою форму, функциональную организацию и поведение в соответствии с особенностями окружающей среды [3]. В данной области работали такие известные ученые, как Ж. Пиаже, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Вебер и др.

Многоплановость социальной среды требует от индивида адаптации к социально-экономическим, политическим, природно-климатическим, профессиональным, бытовым, семейным и другим условиям [4]. Поэтому под социальной адаптацией в общем виде следует понимать процесс и результат установления относительного взаимного соответствия между потребностями личности и требованиями социальной среды.

Необходимо различать понятия социализации, адаптации и приспособления. Адаптация, в отличие от приспособления, относится к более стабильным личностным образованиям: это использование созданных условий для осуществления своих целей, стремлений, поддержания ценностей, хорошо организованный способ справляться с типовыми проблемами, которые, по мнению Т. Шибутани, кристаллизуются путем последовательного ряда приспособлений [3]. Социализация же является самым глубинным уровнем взаимодействия личности и среды, это формирование и функционирование социального сознания и самосознания личности, претворение их в социальную жизнь [5]. Уровень социализации индивида может благоприятствовать адаптации индивида в новой среде, но может и мешать в случае несогласованности предшествующего личного опыта, ценностей и т. д. и существующих в данной среде порядков. Внешние информационные модели социальной жизнедеятельности анализируются с точки зрения их соответствия адаптивным установкам, непротиворечивому пониманию окружающей действительности. Социализация, как правило, связывается с общим развитием индивида, а адаптация — с приспособленческими реакциями уже сформировавшейся личности, когда та сталкивается с новыми условиями жизнедеятельности [6].

Внутренняя сторона социальной адаптации личности — это активность субъекта, направленная на устранение индивидуально ощущаемых и переживаемых стрессов и установление состояния субъективного психологического комфорта в процессе жизнедеятельности и межличностной коммуникации. Это процесс, протекающий на фоне социализации.

Следует понимать, что не всякая социальная ситуация носит для той или иной личности адаптивный характер [7]. Субъект непрерывно интерпретирует события, соотносит конкретные ситуации с привычными, традиционными. Кроме того, итоговые результаты процесса адаптации носят относительный характер: результативность конкретной адаптивной ситуации может оцениваться участниками этого процесса по-разному. Индивид самостоятельно выбирает стратегии приспособления, которые, по его мнению, адекватны данной ситуации. Оптимальность этих стратегий проверяется в процессе взаимодействия и обратной связи со средой.

Адаптивный процесс всегда носит субъектно-объектный характер. Адаптирующаяся сторона может занимать позицию как субъекта, так и объекта. В первом случае процесс будет протекать целенаправленно и активно, во втором — стихийно и носит реактивный характер.

В связи с этим М. В. Ромм предлагает следующую классификацию адаптивных стратегий:

1. Принудительная адаптация. Субъектной, активной стороной выступает общество, позиция личности — относительно пассивная, адаптация носит стихийно-реактивный характер: в ответ на влияние социума личность ориентируется на традиционные, стереотипизированные стратегии адаптации, а не занимается поиском новых. Т. Парсонс полагал, что любая адаптация носит характер принудительной.

2. Встречная адаптация. Активную позицию в такой модели занимает не только общество, но и личность, осознанно и целенаправленно осуществляющая собственное приспособительное целенаправленное целенаправленное. Поиск стратегии носит творческий характер, проявляется в самостоятельном поиске новых стратегий. Адаптирующие векторы общества и цели личности при данной модели могут не совпадать.

3. Ресурсная адаптация. Активной стороной взаимодействия выступает личность, определяющая параметры и цели приспособления в процессе субъективной интерпретации социальной реальности. В данной схеме ведущим компонентом является совокупность многообразия всех адаптивных ресурсов, которыми обладает личность.

4. Фоновая адаптация. В данной схеме пассивны оба участника приспособительного процесса. Реальная ситуация может перерасти в адаптивную, но личность при этом может интерпретировать ее как типичную и продолжать использовать неприемлемые адаптивные стратегии. Такая ситуация будет сохраняться, пока у личности существует возможность избежать дополнительных интеллектуальных и эмоциональных затрат.

Адаптивное влияние может осуществляться в рамках социальных институтов: семьи, системы образования, культуры, а также в рамках социально-политических систем (государственный строй) с включенными в них каналами влияния (например, СМИ).

Адаптивные ситуации бывают простыми и сложными. Простые связаны с изменением одного или нескольких параметров реальной ситуации (перемена установок, мотивации личности, обретение новой социальной роли, вхождение в коллектив). Сложные адаптивные ситуации касаются изменения в образе жизни, моральных нормах, нравственных ценностях.

Ситуация социальной адаптации неразрывно связана с преодолением различных адаптивных барьеров, противоречий, конфликтов. Существуют типичные проблемы адаптации в новой социальной среде, с которыми сталкивается большинство людей (например, неписаные правила поведения в новом рабочем коллективе). Но, помимо данных проблем, могут возникнуть и специфические, которые конкретная личность воспринимает в качестве реальных барьеров на пути к успешной жизнедеятельности. Такие проблемы могут произрастать из различных компонентов социальной среды: психологической, информационной, коммуникативной, экономической и т. д.

Существуют различные типы адаптивных барьеров: возрастной, эмоционально-психологический, мировоззренческий, информационный, ситуативный, национально-культурный, режимный, временной и т. д.

Таким образом, под социальной адаптацией личности следует понимать целостный процесс преобразования и/или интерпретации объективного социального мира, себя в этом мире и субъективный образ этого мира в себе и формирование на этой основе индивидуального адаптивного пространства и персональной идентичности, задающей смыслы индивидуальной жизнедеятельности и общую направленность адаптации.

Для исследования влияния адаптации на возникновение чувства локального патриотизма необходимо было выделить группу людей, оказавшихся в сходных адаптивных условиях в сравнительно недавнем прошлом. Кроме того, срок адаптации должен был быть достаточным для формирования чувства локальной идентичности и локального патриотизма к Томску. Так, по мнению Е. А. Ерохиной, для формирования чувства локальной идентичности необходимо проживать на определенной территории не менее 5 лет.

Томск занимает 3-е место после Москвы и Санкт-Петербурга по количеству иногородних студентов. Конкурс в томские вузы в прошлом году был высоким — на некоторые специальности он доходил до 25 человек на место. В 2012 г. на 5 % увеличили количество приема иногородних студентов — 50,5 %. Число иногородних студентов, принятых на бюджетные места в томские вузы в 2012 г., увеличилось на 3 % и составило 54 % от общего числа студентов-первокурсников.

Для сравнения, в Петербурге 66 % иногородних студентов, а в Казани только 3 %. В 2012 г. в томские вузы на бюджетные места было зачислено 7147 человек: из Томска 1552 человека, из Томской области 1733, иногородних студентов — 3862. В 2012 г. в томские университеты поступили несколько десятков студентов из Украины и Белоруссии. По информации руководства администрации региона, в томские вузы в этом году поступили почти четыре тысячи иногородних студентов. Томская область — третий в России регион, который имеет такое большое число иногородних студентов. В Томске учится примерно 6,5 тыс. студентов из Забайкальского края, Иркутской области и других регионов. Это около 8 % от общего числа студентов.

В 2013 г. увеличилось число абитуриентов из Казахстана и других стран Средней Азии, а также из Монголии. Вместе с тем, одной из негативных тенденций приемной кампании-2013 станет снижение числа поступающих из восточной части страны. Томск, который находится в стороне от Транссиба, в начале года лишился прямого железнодорожного сообщения с рядом регионов на востоке РФ (по данным областного департамента по высшему профессиональному образованию <http://ria.ru/tomsk/20130620/944513080.html#ixzz2Y3KsMObq>).

Таким образом, генеральная совокупность составляет 6,5 тыс. студентов. Приезжие студенты старших курсов ТУСУР составили «гнездо» выборки ($n=120$ чел.), у них уже сложились определенные установки в отношении социума, в котором им пришлось адаптироваться. Для данного исследования наиболее подходящим оказался метод формализованного интервью.

Респондентам были заданы вопросы, которые условно можно разделить на несколько блоков:

- 1) знакомство с городом;
- 2) период адаптации;
- 3) отношение к городу на данный момент.

В первом блоке были заданы вопросы о том, из каких источников студенты узнали о Томске, почему выбрали именно этот город для поступления, каковы были их первые впечатления. Во втором блоке находились вопросы о начальном периоде адаптации в новом городе, о том, какие проблемы возникли за это время (спектр ситуаций рассматривался предельно широко: от привыкания к климату до коммуникативных проблем с отдельными персоналиями). В третьем блоке были заданы вопросы, каково отношение студентов к Томску в данный момент, изменилось ли оно, повлияли ли адаптивные проблемы на это отношение.

Далее будет рассмотрено распределение студентов на группы в соответствии с полученными результатами.

Распределение студентов по группам по критерию причин выбора места обучения выглядело следующим образом:

- 1) целенаправленное поступление;
- 2) предварительная подготовка;
- 3) удобство.

Так, первая группа, выделенная предварительно, оказалась пустой: никто из опрошенных студентов не поступал в ТУСУР целенаправленно, но при этом Томск, как правило, рассматривался как один из возможных вариантов поступления среди нескольких. Вторую группу составили студенты, которые проходили в школе предэкзаменационную подготовку или курсы для поступления в ТУСУР. В третью группу вошли студенты, в чьих школах налажено сотрудничество с ТУСУР, в связи с чем студентам нужно было, например, только написать олимпиаду, не было необходимости ехать самому в Томск подавать документы — все это делалось централизованно.

Распределение студентов по группам по критерию осведомленности:

- 1) «Ничего не знал до поступления»;
- 2) «Томск — город студентов»;
- 3) по рекомендации.

В первую группу вошли студенты, ничего не знавшие о Томске до поступления в ТУСУР, как правило, это те, кто поступал сюда исходя из соображений удобства. В блоке вопросов о знакомстве с Томском респондентам был задан вопрос о том, знают ли они, что Томск претендует на звание инновационной столицы Сибири. Во вторую группу вошли те, кто на этот вопрос ответили «Да, нам рассказывали, что Томск — это город студентов» (при этом никто из респондентов не знал об инновационном статусе Томска до поступления). В третью, самую осведомленную, группу вошли те, кто имеет друзей, знакомых или родственников (как правило), живущих и/или обучающихся в г. Томске, в ТУСУР или других вузах города.

По отношению к Томску на сегодняшний день опрашиваемые разбились на две группы: с положительным и нейтральным отношением. Отношение к Томску выявлялось посредством прямого вопроса, а также вопросов о том, волнуют ли респондента события, происходящие в Томске, его положение, имидж, статус в масштабах страны.

В ходе исследования среди основных адаптивных проблем были выявлены следующие:

1. Стандартные проблемы адаптивной ситуации. Сюда относятся проблемы с адаптацией к местному климату, проблемы с ориентированием в городе.

2. Стандартные проблемы «студенческой» адаптации. Основная проблема иногородних студентов — необходимость налаживать самостоятельный быт в отсутствие помощи родителей, необходимость вести личный бюджет, а также коммуникативные стрессы, связанные с проживанием в общежитии (общение с соседями по комнате, неудовлетворительные условия проживания).

3. Проблемы с государственными структурами и учреждениями. Например, сложности с миграционной службой и межвузовской больницей.

4. Отсутствие перспектив дальнейшего трудоустройства в Томске после выпуска из университета. Данная проблема оказалась главной причиной, препятствующей полной адаптации и возникновению чувства локального патриотизма у иногородних студентов к Томску.

На основании полученных в ходе исследования данных были сделаны следующие выводы [8]:

- 1) большинство проблем носит общий характер;
- 2) отношение к городу в целом мало зависит от успеха адаптации;
- 3) возникновению чувства локального патриотизма в отношении Томска мешает отсутствие здесь перспектив трудоустройства после выпуска.

В выявленных проблемах адаптации иногородних студентов в Томске нет ничего нового. Специфических, ситуативных проблем выявлено не было. В целом, отношение к городу мало связано с успехом адаптации и практически не изменяется с течением времени: респонденты отмечают, что все эти проблемы второстепенны и никак не связаны с общим отношением к Томску. Однако полученные данные выявили пласт проблем, делающих дальнейшие исследования по данной проблематике весьма актуальными. Наибольшее опасения вызывает то, что, как правило, абитуриенты при поступлении ничего не знают о месте предстоящей учебы, руководствуются при поступлении в ТУСУР соображениями простоты и удобства, не задумываясь о престижности и статусе.

Кроме того, печальным является тот факт, что у иногородних студентов практически не выявлено наличия чувства патриотизма к Томску, несмотря на то, что срок проживания в городе был достаточным для его возникновения, а адаптивные проблемы не носили глобального характера и, со слов респондентов, не стояли на переднем плане. Студенты, которые через несколько месяцев станут дипломированными специалистами, даже не пытаются закрепиться в Томске, сразу заявляя, что не останутся здесь. Причина заключается в том, что респонденты, не видя перспектив успешной жизнедеятельности и карьеры в Томске, не пытаются создать здесь условий для дальнейшего проживания, не формируют социальных и эмоциональных привязанностей и уз.

Для повышения эффективности социальной адаптации иногородних студентов, способствующей возникновению у них локального патриотизма к Томску, можно дать ряд рекомендаций:

- 1) единая реклама города и популяризация вузов на российском и международном уровне наряду с индивидуальными рекламными кампаниями вузов;
- 2) облегчение или создание иного порядка прохождения регистрации и получения гражданства для студентов и выпускников, обучающихся в вузах Томска;
- 3) создание рабочих мест, административное регулирование деятельности работодателей в отношении молодых специалистов в условиях перенасыщения рынка труда работниками с высшим образованием;
- 4) помощь в трудоустройстве выпускников на уровне вуза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пузанов К. А. Внутригородская самоорганизация общества на примере США, России и стран Европейского союза : автореф... канд. геогр. наук [Электронный ресурс]. URL: www.geogr.msu.ru/science/diss/oby/puzanov.pdf (дата обращения: 15.05.2013).
2. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество [Электронный ресурс]. URL: lawgun.ru/oz/muhina.doc (дата обращения: 15.05.2013).
3. Розум С. И. Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб., 2007. С. 19.
4. Грибов В. И. Особенности адаптации молодежи малого сибирского города к обучению в ВУЗе // Актуальные проблемы науки и образования на рубеже веков : сб. статей ученых, аспирантов и соискателей ученой степени кандидата и доктора наук. Вып. 2. Тюмень, 2001. С. 51.
5. Зотова О. И., Кряжева И. К. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С. 220.
6. Ромм М. В. Адаптация личности в социуме : теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002.
7. Ромм М. В. Социальная адаптация личности: нормативная модель адаптивных взаимодействий // Социальная работа в изменяющейся России: проблемы, поиски, перспективы : материалы всероссийской науч.-практ. конф. 16—17 мая 2003 г. Томск, 2003. С. 48.
8. Орлова В. В. Социализация молодежи в условиях трансформации современного российского общества: региональный аспект (на материалах Томской и Кеме-

ровской областей) / науч. ред. И. И. Осинский. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010.

1. *Puzanov K. A.* Vnutrigorodskaya samoorganizatsiya obshchestva na primere SShA, Rossii i stran Evropeyskogo soyuza : avtoref... kand. geogr. nauk [Elektronnyy resurs]. URL: www.geogr.msu.ru/science/diss/oby/puzanov.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2013).
2. *Mukhina V. S.* Vozrastnaya psikhologiya: fenomenologiya razvitiya, detstvo, ot-rochestvo [Elektronnyy resurs]. URL: lawgun.ru/oz/muhina.doc (data obrashcheniya: 15.05.2013).
3. *Rozum S. I.* Psikhologiya sotsializatsii i sotsial'noy adaptatsii cheloveka. SPb., 2007. S. 19.
4. *Gribov V. I.* Osobennosti adaptatsii molodezhi malogo sibirskogo goroda k obucheniyu v VUZe // Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya na rubezhe vekov : sb. statey uchenykh, aspirantov i soiskateley uchenoy stepeni kandidata i doktora nauk. Vyp. 2. Tyumen', 2001. S. 51.
5. *Zotova O. I., Kryazheva I. K.* Nekotorye aspekty sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii lichnosti // Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii sotsial'nogo povedeniya. M., 1979. S. 220.
6. *Romm M. V.* Adaptatsiya lichnosti v sotsiуме : teoretiko-metodologicheskyy aspekt. Novosibirsk, 2002.
7. *Romm M. V.* Sotsial'naya adaptatsiya lichnosti: normativnaya model' adaptivnykh vzaimodeystviy // Sotsial'naya rabota v izmenyayushcheysya Rossii: problemy, poiski, perspektivy : materialy vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. 16—17 maya 2003 g. Tomsk, 2003. S. 48.
8. *Orlova V. V.* Sotsializatsiya molodezhi v usloviyakh transformatsii sovremennogo rossiyskogo obshchestva: regional'nyy aspekt (na materialakh Tomskoy i Kemerovskoy oblastey) / nauch. red. I. I. Osinskiy. Ulan-Ude : Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2010.

© Орлова В. В., Шестакова Д. К., 2013

Поступила в редакцию
в июне 2013 г.

УДК 316.344.56:616-089.844

*О. Н. Карымов,
М. А. Бязрова***ОТНОШЕНИЕ ЖЕНЩИН
К ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ
В КРУПНОМ ПРОМЫШЛЕННОМ
ГОРОДЕ**

В последние годы повышается спрос на услуги эстетической медицины в столицах, мегаполисах и крупных городах. Авторы на основе социологического опроса анализируют отношение женщин — жительниц крупного города к эстетической медицине и делают вывод, что ее востребованность определяется не медицинскими, а социальными факторами, которые до сих пор не обобщены и учитываются недостаточно.

Ключевые слова:

крупный город,
женщины-пациентки,
эстетическая медицина,
медицинские услуги,
городская среда.

*О. Н. Карымов,
М. А. Бязрова***WOMEN'S ATTITUDE
TOWARDS ESTHETIC MEDICINE
IN A LARGE INDUSTRIAL CITY**

Over the last years the demand on services of esthetic medicine is increasing in capitals, megacities and large cities. On the basis of sociological poll the authors analyze women's attitude — the citizens of a large city — towards esthetic medicine and make a conclusion that this demand is defined not by medical, but by social factors which haven't been generalized yet and are not taken into account to the full.

Key words:

large city,
women-patients,
esthetic medicine,
medical services,
city environment.

Эстетическая медицина — явление сугубо городское, причем ее развитие характерно преимущественно для крупных городов [1]. Прагматичные условия существования в современной городской среде заставляют женщин принимать дополнительные меры оздоровления и омоложения, поскольку конкурентоспособность человека с молодой внешностью существенно повышается. Именно поэтому значительная часть пациенток косметологических клиник и клиник эстетической медицины — это деловые женщины. В последние годы специалисты отмечают, что клиентура врачей-косметологов молодеет. Женщины торопятся обратиться в клинику задолго до того, как обозначатся явные признаки старения. В столицах и мегаполисах в определенных социальных слоях теперь уже просто неприлично появляться с лицом, к которому не прикасался врач-косметолог или пластический хирург. Поэтому именно в крупных городах предлагается наиболее широкий выбор процедур, рекомендуемых молодым женщинам в качестве превентивных мер, помогающих избежать резкого проявления признаков старения в более зрелом возрасте.

По данным опроса, проведенного А. Гасановым, 56 % женщин недовольны своей внешностью, а две трети женщин не удовлетворены своим весом. Более того, 24 % женщин готовы отдать 3 года своей жизни за то, чтобы обрести желаемую внешность [2]. Согласно статистике Американского общества пластических и реконструктивных хирургов, число пациенток за последние пять лет выросло более чем в три раза. Многие идут на риск и готовы терпеть страдания восстановительного периода, надеясь на кардинальное и быстрое улучшение внешности. Проведенные исследования показали: 90 % американского населения считают, что имеют основания стесняться своего внешнего вида. Эти люди ведут себя так, словно они пережили катастрофу, обезобразившую их. Они стеснительны, ощущают страх и тревогу, а их способность к полноценной жизни «заблокирована» психологическими трудностями, связанными с восприятием собственной внешности. Необходимо подчеркнуть, что это психически и физически здоровые люди, не страдающие ни синдромом

дисморфофобии, ни дефицитарной внешностью. Психологическая установка «не родись красивым, а родись счастливым» в настоящее время уже не работает. Многие люди несчастны именно потому, что не могут чувствовать себя красивыми.

Причины обращения горожанок в клинику эстетической медицины все больше связаны с изменением не физиологического, а социального и психологического статуса клиентки [1]. Насколько далеко может зайти врач, выполняя желания таких посетительниц? Должен ли он ограничить их стремление к красоте по медицинским соображениям или достаточно информированного согласия клиента для того, чтобы снять ответственность с врача за возможные негативные последствия медицинского вмешательства? Каким образом финансовые риски влияют на медицинские решения? Существует ли культура потребления услуг эстетической медицины и если нет, то как ее формировать? Ответы на эти вопросы можно найти на основе данных социологического исследования.

Любая эстетическая проблема, даже если она легко поддается коррекции, имеет явный драматический оттенок, поскольку от проведенной манипуляции пациентка ждет быстрый идеальный результат. Тем не менее, даже при наличии проблем и осложнений, пациентке важно сохранить доверие к врачу, который столь же серьезно переживает случившееся и прикладывает все средства, умения и опыт для скорейшего избавления пациентки от всех неприятностей. В конце концов, от этого зависит и его репутация.

Следует заметить, что бывают ситуации, когда пациентки недовольны, даже если все проходит без осложнений. Это объясняется тем, что результат не соответствует ожидаемому. В настоящее время у горожанок появилась возможность получить услуги эстетической медицины в полном объеме и на самом высоком современном уровне, но любая нерешенная проблема или осложнение легко могут привести к неудовлетворительному результату. Задача врача — разъяснить пациентке причину возникновения осложнения, дать перечень всех возможных способов ее устранения и связанных с этим устранением рисков. Информированная пациен-

Об авторах:

Карымов Олег Нозьевич – аспирант отдела этической и правовой экспертизы в медицине Волгоградского медицинского научного центра, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), cos@volgmed.ru

Карымов Олег Нозьевич – Postgraduate student of the Department on Esthetic and Legal Diligence in Medicine of the Volgograd Medical Scientific Center, Volgograd State Medical University

Бязрова Марина Александровна – ассистент кафедры теории и методологии социальной работы, Северо-Осетинский государственный университет, margo2199@yandex.ru

Bязrova Marina Aleksandrovna – Assistant of the Theory and Methodology of Social Work Department, Northern-Ossetian State University

тка может принимать решение и быть союзником врача как в предстоящем лечении, так и в случае возникновения каких-либо проблем. Таким образом, вопрос информированности о достижениях эстетической медицины становится принципиальным. Незнание порождает лукавство в профессии, когда предполагаемый эффект декларируется, но не достигается. Следовательно, необходимо знать, чего именно ждут пациентки от эстетической медицины и на что они готовы пойти ради достижения желаемого результата. И здесь необходима помощь социологов.

Нами было проведено исследование в трех крупных клиниках эстетической медицины Москвы, Волгограда и Владикавказа. Сравнение результатов показало, что данные по Волгограду являются среднестатистическими для этой группы городов, поэтому в данной статье представлены именно они. В исследовании нами использованы процедуры КСИ (конкретного социологического исследования): метод анкетирования как основной, а метод тестирования как дополнительный. С этой целью был разработан специальный учетный документ — многофакторная «Анкета пациентки». По форме вопросы нашей анкеты разделялись на открытые и закрытые. Своеобразной разновидностью закрытого вопроса был так называемый дихотомический вопрос, в котором перечень возможных ответов исчерпывался альтернативой «да — нет». В нашей анкете подобным вопросам отдано предпочтение.

Как известно, по содержанию вопросы подразделяются на объективные (об образовании, возрасте, профессии респондента и т. д.) и субъективные, которые выявляют социально-психологическую установку опрашиваемого, его отношение к условиям своей жизни и определенным событиям. Кроме того, вопрос может быть как прямым, подразумевающим получение непосредственной информации от респондента, так и косвенным, ответ на который предполагает последующую его интерпретацию исследователем для извлечения определенной информации. При разработке анкеты преимущество отдано объективным и косвенным вопросам. Был применен раздаточный метод анкетирования с элементами интервьюирования.

Анкета, помимо паспортных сведений, рассматривает ряд вопросов, характеризующих социально-экономические условия жизни. Наличие этих учетных признаков позволяет в ходе исследования оценить зависимость обращения пациенток к эстетической медицине от их социального статуса, положения в обществе, среднемесячного дохода на одного человека в семье и т. д.

Графа «Возраст» имела следующие градации: 18—24 лет; 25—39; 40—55; старше 55 лет.

В графе «Образование» было предусмотрено: среднее, незаконченное высшее, высшее.

Градация «Социальный статус» включала четыре пункта: работаю, не работаю, учусь, на пенсии.

«Средний доход на одного члена семьи в месяц в рублях» оценивался по шести градациям: 1 МРОТ, 3 МРОТ, 5 МРОТ, 7 МРОТ, 9 МРОТ и 10 МРОТ и выше. Величина МРОТ определялась в денежном выражении на момент опроса в данном регионе.

Последующие вопросы позволяли оценить личные особенности и психологию респондента в проблеме поиска и обращения за эстетической помощью.

Вопрос «Какую помощь Вы надеетесь получить у врача-косметолога?» помогал выявить мотив обращения пациенток в клинику. Он состоял из таких категорий ответов: эстетическую помощь; лечебную помощь; лечебно-эстетическую помощь; затрудняюсь ответить.

Доступность эстетической медицины непосредственно связана со стоимостью услуг. Вопрос о дороговизне услуг для пациенток включал пять позиций: очень дорогие; дорогие, но не очень; не дорогие; дешевые; затрудняюсь ответить.

Чем мотивировали пациентки свое решение воспользоваться услугами эстетической хирургии, выяснялось путем определения факторов дискомфорта: состояние здоровья; состояние внешности; отношение окружающих к Вашей внешности; все вместе; затрудняюсь ответить.

Особенностью применения социологических методов в нашем исследовании было строгое соблюдение принципов биоэтики, особенно принципа конфиденциальности и принципа уважения автономии пациенток [3]. Вот что показало исследование.

Возраст респонденток колебался в пределах от 18 до 64 лет и составил в среднем 38,3 + 3,67 года, из них, %:

- в возрасте до 24 лет — 15,2;
- от 25 до 39 лет — 30,4;
- от 40 до 55 лет — 43,5;
- старше 55 лет — 10,9.

Среднее образование имели 52,2 % (48 чел.), незаконченное высшее — 21,7 % (20 чел.) и высшее — 26,1 % (24 чел.).

Уровень материального благосостояния (дохода семьи на одного человека в месяц) отмечали, %:

- до 1 МРОТ — 0;
- до 3 МРОТ — 4,3;
- до 5 МРОТ — 23,9;
- до 7 МРОТ — 43,5;
- до 9 МРОТ — 17,4;
- 10 и более МРОТ — 10,9.

Главной из причин, которая ведет городских жительниц к врачу-косметологу, как показали интервью, является недовольство своей внешностью. В оценке причин своего обращения респондентки распределились следующим образом, %:

- состояние здоровья — 4,4;
- состояние внешности — 82,5;
- отношение окружающих к внешности — 6,5;
- все вместе — 2,2;
- затрудняюсь ответить — 4,4.

Абсолютное большинство пациенток хотели получить эстетическую помощь — 67,4 %, лечебно-эстетическую — 26,1 %, а лечебную помощь только 6,5 %. Это полностью согласуется с мотивами обращения к эстетической медицине: неудовлетворенность не здоровьем, а внешностью, соответственно цель — улучшение внешности, а не просто оздоровление.

Несмотря на то, что более 2/3 пациенток считали услуги эстетической хирургии дорогими, они остаются востребованными. И ни одна респондентка не указала на то, что услуги в клинике дешевые. Услуги клиники эстетической

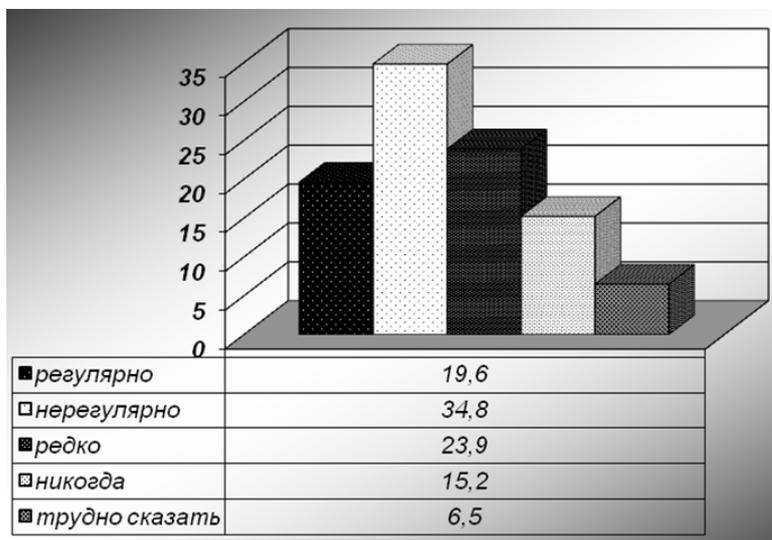
медицины посчитали очень дорогими 8,7 %, дорогими, но не очень 60,9 %, не дорогими 21,7 %, дешевыми — 0 %, а затруднились ответить 8,7 %.

Большое значение в выборе клиники сыграл социальный опыт, поскольку решающим в выборе назвали влияние друзей, знакомых, коллег 30,4 % респонденток, средства массовой информации — 26,1 %, 15,2 % поддались рекламе, 19,5 % почерпнули сведения из Интернета. Только 4,4 % пациенток пришли в клинику эстетической медицины по рекомендации врача. Печально, но горожанки совершенно очевидно разделяют здоровье и красивую внешность — и в мотивах, и в цели посещения клиники, и в обращении к экспертам.

Но, возможно, в косметологических услугах и услугах пластических хирургов нуждаются как раз здоровые женщины? Действительно, оказалось, что по состоянию здоровья (субъективная оценка) среди респонденток было 26,1 % вполне здоровых, 52,2 % скорее здоровых, чем больных, 6,5 % скорее больных, чем здоровых, и только 4,4 % считали себя больными.

Несмотря на большой спрос на эстетическую медицину, доступны ее услуги далеко не всем. Это вызывает закономерное недовольство у горожанок. 80,5 % респонденток считают, что эти услуги должна быть доступны всем. Правда, есть и такие, кто видит в обращении к эстетической медицине заботу не столько о внешности, сколько о здоровье: они считают, что подобные клиники должны обслуживать только пациенток, нуждающихся в косметологической помощи и помощи пластических хирургов по состоянию здоровья, — 13 %.

Мы выясняли также частоту обращаемости пациенток за косметологическими услугами (рис.).

Обращаемость за косметологическими услугами

Из всех опрошенных пациенток раньше прибегали к услугам эстетической медицины только 10,9 % (10 чел.), а все остальные — 89,1 % (82 чел.) — обратились впервые.

Таким образом, анализируя результаты проведенного нами исследования, мы пришли к выводу, что опрошенные респондентки подтверждают то, что эстетическая медицина может воздействовать на самооценку человека. Это говорит, во-первых, о все более нетерпимом отношении к «некрасивой» или стареющей внешности и, во-вторых, о растущей доступности эстетической медицины для людей с более низкими доходами. Отметим, что этот вывод касается только крупных городов, поскольку разница в доходах между сельскими и городскими жителями, а также между жителями крупного и малого города достаточно велика, чтобы можно было экстраполировать выводы нашего исследования на населенные пункты с малым числом жителей.

Для большинства жительниц крупного города эстетическая медицина есть просто способ избавиться от того, что их беспокоит. Но мы должны помнить, что у некоторых людей результат эстетической коррекции может значительно повлиять на самовосприятие. Людям, страдающим от своего внешнего вида, нельзя отказывать в возможности решить свои проблемы только потому, что другие эти проблемы игнорируют или не воспринимают всерьез.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Файбисович Е. И., Рахимуллина О. А.* Кто делает горожан красивыми // Социология города. 2012. № 4. С. 58—63.
 2. *Гасанов А. Г.* Качество жизни пациентов клиники эстетической хирургии. Волгоград : Изд-во ВолГМУ, 2006. 32 с.
 3. *Файбисович Е. И., Гурова В. Н.* Новые этические проблемы в дерматокосметологической практике // Биоэтика. 2011. № 7. С. 60—62.
-
1. *Faybisovich E. I., Rakhimullina O. A.* Kto delaet gorozhan krasivymi // Sotsiologiya goroda. 2012. № 4. S. 58—63.
 2. *Gasanov A. G.* Kachestvo zhizni patsientov kliniki esteticheskoy khirurgii. Volgograd : Izd-vo VolGMU, 2006. 32 s.
 3. *Faybisovich E. I., Gurova V. N.* Novye eticheskie problemy v dermatokosmetologicheskoy praktike // Bioetika. 2011. № 7. S. 60—62.

© Карымов О. Н., Бязрова М. А., 2013

*Поступила в редакцию
в июне 2013 г.*

УДК 316.654:616-089.844-057.876

*М. Н. Подольская,
С. А. Вешнева*

**СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ
ЗДОРОВЬЯ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
СТУДЕНТОВ
ГОРОДСКИХ КОЛЛЕДЖЕЙ**

Итоги проведенного авторами социологического исследования показали высокую степень информированности и сформированности у студентов мотивации к здоровому образу жизни, но низкий уровень ответственности за собственное здоровье. Организация этой работы в городских колледжах не носит системного характера.

Ключевые слова:

студенты колледжей,
крупный город,
здоровье,
образ жизни,
ответственность,
вредные привычки.

*M. N. Podolskaya,
S. A. Veshneva*

**SOCIAL RISKS OF HEALTH
IN REPRESENTATIONS
OF STUDENTS OF CITY COLLEGES**

The results of the sociological research carried out by the authors shown high degree of knowledge and full formation of correct students' motivation to a healthy way of life, but a low level of responsibility for their own health. The organization of this work in city colleges is not systematic.

Key words:

students of colleges,
a large city,
health,
a way of life,
responsibility,
bad habits.

Феномен здоровья обладает существенной спецификой. Сложность его изучения состоит в том, что в основе поведения, связанного со здоровьем, лежат самые различные потребности. При этом значительная часть видов поведения, оказывающих влияние на здоровье, обуславливается мотивами, никак не связанными со здоровьем. Все это осложняет изучение поведенческих показателей здоровья и факторов, их обуславливающих.

Принципиальной для формирования ценностного отношения к здоровью является среда обитания человека. Это выражение употребляется в различных контекстах и смыслах. Посылкой нашего исследования являлась следующая: городская среда обладает специфическими характеристиками, влияющими на отношение людей к своему здоровью [1]. Эти влияния активнее всего проявляются в группах, проходящих ранние стадии социализации, — у детей, подростков, молодежи. Особое место занимает студенчество, поскольку представляет собой группу городской молодежи, сформированную как из городских, так и из сельских жителей. Поэтому целостный «образ здоровья», складывающийся в студенческие годы, становится инвариантом здоровьесберегающих паттернов поведения и для тех, кто остается жить в городе, и для тех, кто возвращается работать в сельскую местность. Процесс интериоризации «городских» ценностей здоровья в таком аспекте до сих пор не рассматривался.

Исходя из сказанного, мы выбрали объектом исследования студентов колледжей Волгограда и Астрахани. Первоначально предполагалось сравнить мнения студентов медицинских (фельдшерские специальности) и немедицинских (технологические ссузы) колледжей, учитывая такую переменную, как профессиональная социализация. Но результаты опроса показали отсутствие сколь-нибудь существенной разницы в ответах респондентов обеих групп, поэтому целевая группа в исследовании представлена как однородная.

В интерпретации результатов исследования мы исходили из того, что одними из существующих показателей, характеризующих отношение индивида к своему здоровью, являются самооценка здоровья, место здоровья в системе

жизненных ценностей, наличие привычек, связанных с курением табачных изделий, употреблением алкогольсодержащих напитков и наркотических средств [2]. Именно этим показателям в среде студентов должно уделяться основное внимание для изучения роли мотивации в формировании их ценностного отношения к здоровью и, в частности, следование ими здоровому образу жизни.

Социологическое исследование проводилось в декабре 2012 г. в средних специальных учебных заведениях Волгограда и Астрахани. Респонденты для исследования были отобраны методом случайной выборки из числа студентов колледжей. Статистическая обработка проводилась с помощью Microsoft Office Excel. Величина статистической погрешности не превышает допустимую и не может существенно влиять на достоверность проведенного исследования. Общий объем выборочной совокупности 475 человек.

Средний возраст опрошенных 17 лет. Распределение респондентов по полу приведено в табл. 1.

Таблица 1
Гендерное распределение респондентов в выборке

Пол	Мужской	Женский
% ответов	48,2	51,8

Гендерное соотношение в выборочной совокупности соответствовало распределению в генеральной совокупности.

На вопрос о самооценке образа жизни студенты ответили следующим образом (табл. 2).

Таблица 2
Мнения студентов о своем образе жизни

Считаете ли Вы свой образ жизни здоровым?	Да	Не совсем	Нет	Затрудняюсь ответить
% ответов	40,2	50,3	5,9	3,6

Самое большое количество студентов, около 3/5 опрошенных, считают свой образ жизни не совсем здоровым и нездоровым. Уверены в том, что их образ жизни положительно влияет на здоровье, только около 40 % студентов. Это говорит

Об авторах:

Подольская Марина Николаевна – преподаватель, Медицинский колледж № 1, Волгоград, marina-podolskaja@rambler.ru

Podolskaya Mariana Nikolaevna – a Teacher, Medical college #1, Volgograd

Вешнева Светлана Александровна – канд. мед. наук, главный врач, Правобережная больница Федерального государственного учреждения «Южный окружной медицинский центр Федерального медико-биологического агентства России» (ПБ ФГУ «ЮОМЦ ФМБА России»), veshneva@mail.ru

Veshneva Svetlana Aleksandrovna – Candidate of Medical Science, Medical Director, Right bank hospital of the Federal State Institution "South District Medical Center of the Federal Medical and Biological Agency of Russia" (RB FSI "SDMC FMBA of Russia")

о том, что молодые люди достаточно критично к себе относятся, но еще не дает информации о причинах негативных оценок.

Абсолютное большинство студентов (почти 99 %) заявило о своей информированности о факторах здорового образа жизни (табл. 3), и только небольшая часть опрошенных признают себя неосведомленными. По шкале Фагерстрема это соответствует очень высокой степени информированности. Однако следует учитывать, что это показатель самооценочный, т. е. субъективный. Конкретизация данного вопроса позволила получить более полную информацию (табл. 4).

Таблица 3

Самооценочная информированность студентов о факторах здорового образа жизни

Информированность студентов	Да	Нет
% ответов	98,9	1,1

Таблица 4

Информированность студентов о факторах здорового образа жизни

Факторы здорового образа жизни	Информированы, %
Личная гигиена	86,5
Отказ от вредных привычек	75,6
Рациональное питание	77,1
Оптимальный двигательный режим	28,2
Занятия физкультурой и спортом	86,7
Положительные эмоции	40,4
Навыки безопасного поведения	34,3
Сексуальная культура	30,3
Регулярное прохождение медицинских осмотров и предотвращение заболеваний	50,1
Культура обучения и труда	21,3
Состояние окружающей среды	41,5
Все вместе взятое	24,4
Затрудняюсь ответить	1,7

Самую высокую осведомленность (более 80 %) студенты продемонстрировали о таких факторах здорового образа жизни, как личная гигиена и занятия физкультурой и спортом. Меньшее, но тоже значительное количество респондентов (70—80 %) осведомлены о положительном влиянии на здоровье рационального питания и отказа от вредных привычек. Половина студентов уверены в необходимости регулярного прохождения медицинских осмотров и предотвращения заболеваний. Около 40 % респондентов показали информированность о влиянии на здоровье состояния окружающей среды и положительных эмоций. Практически каждый третий студент немаловажную роль уделяет оптимальному двигательному режиму, навыкам безопасного поведения и сексуальной культуре. Немногим более 20 % студентов считают необходимым соблюдение культуры обучения и труда. Приблизительно четверть опрошенных отнесли к здоровому образу жизни все перечисленные факторы.

Таким образом, показатель информированности о факторах здорового образа жизни составляет 52 %. По шкале Фагерстрема это соответствует средней степени информированности. Этот показатель является объективным.

При сравнении объективного показателя информированности студентов о факторах здорового образа жизни (52 %) с субъективным (99 %) становится очевидной завышенная самооценка знаний респондентами. Между этими показателями можно определить средний, который будет соответствовать объективно-субъективной оценке — 75,5 %. Это соответствует высокой степени информированности по шкале Фагерстрема. О высокой степени информированности говорит еще и тот факт, что каждый четвертый опрошенный продемонстрировал осведомленность о большинстве перечисленных факторах здорового образа жизни.

Но ни знания о факторах здорового образа жизни, ни критичное отношение к собственному здоровьесберегающему поведению еще ничего не говорят о наличных установках на определенный тип поведения. Очевидно, что в основе поведенческой мотивации в сфере здоровья лежит чувство удовлетворенности/неудовлетворенности своим здоровьем (табл. 5).

Таблица 5

Удовлетворенность студентов состоянием своего здоровья

Удовлетворены ли Вы состоянием своего здоровья?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
% ответов	60,4	22,1	17,5

Количество студентов, положительно оценивающих состояние своего здоровья, почти в три раза больше количества тех, кто оценивает его отрицательно. Мы специально предложили короткую оценочную шкалу, чтобы молодые люди выразили свою позицию однозначно, хотя варианты «скорее удовлетворен» и «скорее не удовлетворен» могли дать больше информации. Кроме того, достоверные сведения о состоянии здоровья студентов могут быть получены при квалифицированном и достаточно полном медицинском обследовании (диспансеризации).

Нельзя было избежать вопросов о вредных привычках, хотя они и выглядят одиозными, поскольку более точных маркеров отношения к здоровью пока нет (табл. 6).

Таблица 6

Отношение студентов к курению

Курите ли Вы?	Да	Нет	Иногда
% ответов	20,6	71,8	7,6

Большинство опрошиваемых — почти три четверти — отрицают наличие у себя данной привычки, тем не менее каждый пятый студент оказался стабильным курильщиком, а каждый тринадцатый признался, что курит иногда. Поскольку почти четверть респондентов курят, мы поинтересовались, насколько сильна у них эта привычка (табл. 7).

Таблица 7

Количество потребляемого табака в день

Потребление сигарет в день, шт.	От 1 до 10	От 11 до 20	Больше пачки	Не курю
% ответов	20,4	5,3	1,3	72,6

Эти данные говорят о том, что группа риска неоднородна, но те, кто входят в 20,4 % умеренных курильщиков, могут в любой момент перейти в категорию курящих стабильно, и именно этот факт вызывает опасения. Парадокс состоит в том, что о вреде курения знают все (98,5 %).

Почти все, кто курит от 1 до 10 сигарет в день, признаются в желании расстаться с этой вредной привычкой (19,4 %), однако 8,7 % респондентов либо не захотели отвечать на данный вопрос, либо откровенно признались, что курить не бросят. Таким образом, семь из каждых десяти студентов не курят, а двое из оставшихся трех курящих хотят расстаться с вредной привычкой — эти сведения подтверждены и методом корреляции. В трех вопросах (табл. 5, 6 и 8) содержались прямой (табл. 5) и неакцентированные (табл. 6, 8) вопросы об отношении студентов к курению. В результате получен очевиден достоверный показатель числа свободных от никотиновой зависимости студентов. Он составляет около 70 %.

Существует устойчивое мнение, что городская среда способствует распространению вредных привычек. Но эти привычки передаются от конкретных людей и усваиваются в результате их влияния. В нашем исследовании мы обнаружили такое влияние со стороны родителей студентов (табл. 8).

Таблица 8

Сведения о курении родителей

Сведения о курении родителей	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Папа курит каждый день	154	32,4
Папа курит изредка	38	8,0
Мама курит каждый день	29	6,1
Мама курит изредка	12	2,5
Постоянно курят оба	20	4,2
Изредка курят оба	6	1,3
Папа бросил курить	37	7,8
Мама бросила курить	18	3,8
Другое	192	40,4

Исследование продемонстрировало высокую распространенность курения среди родителей. Не курят менее половины родителей студентов. Каждый третий папа курит постоянно, каждый день. Примерно одинаковое количество пап курит изредка или уже бросили курить. Довольно высокий показатель ежедневного курения мам. Постоянно курят оба родителя приблизительно у каждого двадцатого студента. Бросила курить мама у примерно 4 % студентов. Небольшое количество мам курит изредка. У шести студентов изредка курят оба родителя. Таким образом, если суммировать показатели некурящих и бросивших курить родителей, то эта цифра составит 52 %. Т. е. только в половине семей дети не наблюдают курящих родителей, не имеют формирующегося стереотипа «курение — норма» и не являются пассивными курильщиками.

Проблема употребления алкогольных напитков является для городской молодежи достаточно острой, хотя здесь большой разницы между городом и селом исследователями обычно не отмечается (табл. 9).

Таблица 9

Употребление студентами городских комеджей алкогольных напитков (включая пиво)

Употребляете ли Вы алкогольные напитки (включая пиво)?	Да	Нет	Иногда
% ответов	12,2	52,4	35,2

Больше половины респондентов отрицательно относятся к алкоголю, однако каждый третий выпивает иногда, а каждый восьмой считает себя употребляющим алкоголь. Это достаточно большие цифры, чтобы не принимать их во внимание. Очевидно, необходимы специальные мероприятия, ориентированные на борьбу с алкоголизацией студенческой молодежи в средних специальных учебных заведениях.

Что касается отношения к наркомании, то к ней студенты медицинских колледжей высказали 100%-е отрицательное отношение. В немедицинских колледжах распределение ответов было следующим (табл. 10).

Таблица 10

Отношение студентов к наркомании

Отношение студентов к наркомании	% ответов
Положительное	1,1
Скорее положительное, чем отрицательное	0,8
Скорее отрицательное, чем положительное	2,9
Отрицательное	81,5
Безразличное	14,1

Абсолютное большинство студентов (около 85 %) отрицательно относятся к наркомании, а седьмая часть безразлично. Незначительное число (около 2 %) относятся к наркомании положительно, это настораживающий факт, но подобные ответы бывают всегда и свидетельствуют, скорее, о желании обратить на себя внимание, отличиться от всех, чем об устойчивой позиции. Мы не анализировали данный аспект здоровьесберегающих установок студентов городских колледжей, поскольку данные исследования с достаточной очевидностью подтверждают позицию авторов, уже обсуждавших эту тему на страницах журнала «Социология города» [3].

Среди причин, которые мешают студентам колледжей вести здоровый образ жизни (ЗОЖ), респонденты назвали следующие (табл. 11).

Таблица 11

Причины, мешающие вести здоровый образ жизни

Что мешает	% ответов
Отсутствие знаний	4,2
Отсутствие средств	6,9
Занятость	29,5
Нет желания, лень	26,3
Не поймут друзья	1,1
Я стараюсь вести здоровый образ жизни	43,4
Затрудняюсь ответить	9,5
Другое	6,3

Меньше половины студентов стараются вести здоровый образ жизни. Примерно равное количество (около 30 %) ссылаются на занятость, а также отсутствие желания, лень. Не имеют средств около 7 %, а около 4 % не имеют и достаточных знаний. И только для 1 % немаловажным является мнение друзей, которые могут не понять их стремления к здоровому образу жизни. Среди других мешающих причин были названы следующие: учеба, настроение, работа, отсутствие силы воли, здоровье. Это говорит о том, что в колледжах пока отсутствует система здоровьесберегающей социализации, включающая формирование установок на ЗОЖ. Странно, что примерно одинаково распределились ответы на этот вопрос и в немедицинских колледжах, и среди будущих фельдшеров, хотя влияние педагогов отметили большинство респондентов (табл. 12).

Таблица 12

Источники информации о здоровом образе жизни

Источники	% ответов
Педагоги	60,0
СМИ, кинофильмы	24,2
Родители	57,1
Собственный опыт	21,7
Медицинские работники	20,0
Проводимые лекции, беседы	30,7
Все вышеперечисленное	32,0
Другое	2,3

Среди важнейших источников информации студенты выделяют педагогов и родителей. Но, видимо, существует нескоординированность в действиях родителей и педагогов в данном вопросе, иначе результаты были бы более благоприятными.

Третья часть студентов считает важными все перечисленные источники информирования, а также проводимые лекции и беседы. Каждый четвертый студент получил знания о здоровом образе жизни из СМИ и кинофильмов, а также из собственного опыта. Надо отметить, что это не самые надежные источники, поскольку СМИ не всегда являются носителями достоверной информации, а ценой опытного познания жизни может стать собственное здоровье. На знания, полученные от медицинских работников, ссылается каждый пятый студент. Среди других источников информирования были отмечены знания, полученные из Интернета, от тренеров, из книг. Какие же мотивы для ведения здорового образа жизни складываются под влиянием этих агентов социализации (табл. 13)?

В порядке убывания значимости мотивации распределились так: «чтобы не беспокоили болезни», «чтобы выглядеть красиво», «чтобы жить долго», «чтобы иметь способность к созданию семьи», «чтобы быть успешным и всего добиться в жизни», «быть здоровым модно». Затруднились в ответе около 7 % опрошенных. Считают, что у них другие мотивации, около 6 % студентов, но, по сути, это те же вышеперечисленные, но сформулированные другими словами, а также следующие: «чтобы были здоровы дети», «так принято», «хочу всего добиться в жизни».

Личные мотивы студентов колледжей к ведению здорового образа жизни

Мотивации	% ответов
Чтобы не беспокоили болезни	56,4
Чтобы жить долго	44,4
Чтобы выглядеть красиво	51,4
Чтобы быть успешным и всего добиться в жизни	37,3
Быть здоровым модно	37,3
Чтобы иметь способность к созданию семьи	40,6
Затрудняюсь ответить	7,2
Другое	5,7

Выводы

1. Проведенное социологическое исследование выявило высокую степень информированности студентов колледжей о факторах здорового образа жизни и вреде курения, но низкую вовлеченность в здоровый образ жизни (около 40 %). Это свидетельствует о недостаточно сознательном отношении студентов к своему здоровью.

2. Ценными представляются высокие показатели осведомленности респондентов о вреде курения, но эти знания носят формальный характер, о чем говорит распространенность вредных привычек: курит каждый четвертый студент. Употребляет алкоголь, в том числе пиво, каждый второй. При этом абсолютное большинство осознают вред курения и каждые двое из троих курящих хотят отказаться от курения.

3. Более половины опрошенных молодых людей не удовлетворены своим здоровьем, но не стараются вести здоровый образ жизни из-за занятости, отсутствия желания, лени, отсутствия средств и знаний (что не соответствует полученным данным).

4. Судя по результатам анкетирования, большую роль в формировании здорового образа жизни играет домашнее воспитание. К сожалению, эта роль не всегда положительна, т. к. почти половина родителей курят. Кроме влияния родителей, среди других источников знаний о здоровом образе жизни студенты выделяют общение с педагогами, а также проводимые в колледже лекции и беседы. Очевидно, что медицинские учреждения не являются для молодых людей одним из основных источников информации о здоровом образе жизни.

5. Таким образом, данные проведенного социологического исследования наглядно демонстрируют высокую степень информированности и сформированности у студентов правильной мотивации к здоровому образу жизни, но низкий уровень ответственности за собственное здоровье. Организация этой работы в городских колледжах не носит системного характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петров В. И., Седова Н. Н. Социологические проблемы здоровья городского населения // Социология города. 2008. № 1. С. 5—11.

2. *Доника А. Д., Мажаренко В. А., Чахоян А. О.* Формирование мотивации к сохранению здоровья социальной группы студентов в крупном промышленном городе // Социология города. 2011. № 4. С. 49—53.

3. *Вешнева С. А., Бударин Г. Ю., Сильницкая Е. Н.* Риски наркотизации в среде городской молодежи // Социология города. 2012. № 2. С. 49—57.

1. *Petrov V. I., Sedova N. N.* Sotsiologicheskie problemy zdorov'ya gorodskogo naseleniya // Sotsiologiya goroda. 2008. № 1. S. 5—11.

2. *Donika A. D., Mazharenko V. A., Chakhoyan A. O.* Formirovanie motivatsii k sokhraneniyu zdorov'ya sotsial'noy gruppy studentov v krupnom promyshlennom gorode // Sotsiologiya goroda. 2011. № 4. S. 49—53.

3. *Veshneva S. A., Budarin G. Yu., Sil'nitskaya E. N.* Riski narkotizatsii v srede gorodskoy molodezhi // Sotsiologiya goroda. 2012. № 2. S. 49—57.

© Подольская М. Н., Вешнева С. А., 2013

*Поступила в редакцию
в июне 2013 г.*

УДК 316.342.6:331.543:378.4

С. С. Щепетков

**ВЫПУСКНИКИ ВУЗОВ
НА РЫНКЕ ТРУДА
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РОССИЙСКОГО ГОРОДА**

В статье приведены данные проведенного в Челябинске весной 2013 г. исследования, нацеленного на выявление образовательных особенностей и практик трудоустройства молодых специалистов с высшим образованием, занятых в экономике города на различных должностях.

Ключевые слова:

молодые специалисты,
рынок труда,
практики трудоустройства,
выпускники вузов.

S. S. Shchepetkov

**GRADUATES
IN THE LABOUR MARKET
IN AN INDUSTRIAL RUSSIAN CITY**

The article describes some results of the survey carried out in the spring of 2013 in the city of Chelyabinsk and that is aimed to reveal the peculiarities of education and employment practices of young specialists who have higher education and who deal with the economy of the city in different posts.

Key words:

young specialists,
labour market,
employment practices,
graduates.

Об авторе:

*Щепетков Сергей Сергеевич –
аспирант кафедры социологии,
Челябинский государственный
университет (ЧелГУ),
shepard3@mail.ru*

*Shchepetkov Sergey Sergeevich –
Postgraduate student of Sociology Department,
Chelyabinsk State University*

В настоящее время в мире насчитывается значительное число профессий и, соответственно, профессиональных групп, обеспечивающих устойчивое функционирование общества. Среди этих групп особо выделяются молодые специалисты высшей квалификации — выпускники российской высшей школы. Эффективность работы этой группы во многом определяет характер развития современного общества, но, с другой стороны, успешность этой работы зависит от состояния социума, от востребованности специалистов на рынке труда. Если спрос на специалистов соответствует предложению, общество развивается гармонично, а нарушение баланса ведет к социальным дисфункциям и порождает кризисные явления. Если обратиться к современной российской действительности, легко увидеть, что баланс спроса и предложения на рынке труда молодых специалистов нарушен. Лишь 60 % выпускников вузов трудоустраиваются по специальности, остальные 40 % остаются неустроенными что, несомненно, создает социальную напряженность в обществе [1].

Анализу этой проблемы посвящен ряд исследований российских авторов, в том числе и данная статья. В ней проанализированы реальные практики трудоустройства молодых специалистов Челябинска с учетом комплекса существенных факторов, сопровождающих этот процесс. Непосредственным объектом нашего исследования явились молодые специалисты, получившие вузовское образование и проживающие в Челябинске. Согласно переписи 2012 г., число таких лиц составило 217 488 чел. [2].

Наше исследование носило выборочных характер, с уровнем доверительной вероятности 0,95, предельной ошибкой выборки 5,65 и максимальной выборочной дисперсией, равной 0,5. Количественные параметры выборки подсчитывались по стандартной формуле, объем выборки составил 330 чел. Отбор респондентов проводился по схеме бесповторной случайной выборки. Первый блок вопросов посвящен выявлению занятости респондентов в различных сферах хозяйственной деятельности.

Примерно около половины всех респондентов (50,7 %) на момент опроса были заняты в сервисном обслуживании, финансовой сфере,

торговле или образовании (табл. 1). При этом 55 % респондентов по выборке занимали «линейные» должности в статусе квалифицированных специалистов, 19,3 % трудились на должностях управленцев среднего звена, 7 % — управленцев высшего звена и 15,3 % оказались «рабочими без квалификации».

Таблица 1

В какой сфере Вы работаете в настоящее время?	Доля, %
Торговля	16,7
Образование, педагогика	15,0
Сервисное обслуживание	10,7
Финансы, бухгалтер	8,3
Связь и телекоммуникации	7,0
Промышленность	6,7
Строительство	5,3
Государственные и муниципальные служащие	5,3
Военная и правоохранительная служба, МЧС	4,7
Здравоохранение, медицина	4,0
Транспорт	2,7
Сельское хозяйство	0,3
Другое	13,0*

Примечание: здесь и далее итоговая сумма может быть менее 100 %, поскольку не все респонденты могли ответить на тот или иной вопрос. В некоторых же вопросах, напротив, можно было выбрать более чем один вариант, поэтому сумма ответов может быть больше 100 %.

Согласно выборке, 32 % респондентов учились на «отлично», 49,3 % — на «хорошо», а 10,7 % ответивших — на «тройки». Больше всего отличников среди работающих в сфере образования — 71,1 % в своей подгруппе, 56,2 % среди государственных и муниципальных служащих и 52 % среди «финансистов и бухгалтеров», а вот по «троечникам» лидируют специалисты транспортной сферы (37,5 %) и торговли (16,0 %). Среди «отличников» преобладают женщины — 69,8 %, а среди «троечников», напротив, мужчины — 75 %; «хорошисты» же распределились примерно в равной пропорции: 52 % женщин и 48 % мужчин. При этом по должностям во всех четырех представленных группах преобладают учившиеся на «хорошо». Довольно любопытно, что среди топ-менеджеров также не обнаруживается прямой связи между оценками в период учебы и занимаемой высокой позицией в иерархии организации.

Чуть более половины проходили учебу по социально-экономическим, юридическим и гуманитарным специальностям (54,7 %) (табл. 2). Это количество «гуманитариев» и «экономистов» вполне соответствует федеральным показателям: из данных статистики нам известно, что большая часть выпускников выходит на рынок труда именно в этом качестве [3]. Основная доля опрошенных, получивших гуманитарное и социально-экономическое образование, — лица женского пола: они составляют 69,6 % среди респондентов с дипломами об окончании социально-гуманитарных факультетов, 68,8 % — выпускники педагогических, 63,8 % — экономических и 69,2 % — медицинских вузов. При этом среди получивших военные, технические и сельскохозяйственные специальности преобладают мужчины — доля женщин минимальна.

Таблица 2

По какой специальности (направлению подготовки) Вы проходили обучение в вузе?	Доля, %
Гуманитарные науки и науки об обществе	26,3
Экономические	15,7
Юридические	12,7
Технические	12,0
Педагогические	10,7
Естественно-научные, математика	6,7
Медицинские	4,3
Сельскохозяйственные	3,7
Военные специальности	2,7
Другое	5,3

Из каких же специальностей рекрутировались менеджеры высшего звена? Треть (33,3 %) среди указанной должностной группы — «экономисты», по остальным специальностям их доли распределяются примерно поровну. Показательно, что остальные 2/3, как нам представляется, это те, кто добился карьерных успехов и дослужился до «топовых» должностей, не имея специального управленческо-экономического образования. По всей видимости, управленцы этого уровня рекрутируются в большей степени по другим основаниям — через систему связей и знакомств, в силу профессиональной компетентности и длительного опыта работы в определенной сфере и т. д.

Обратимся к факторам, повлиявшим на выбор специальности молодыми людьми. Наиболее весомый мотив выбора специальности из представленных — «внутреннее призвание» (так ответили 34,7 %) (табл. 3). Данный мотив является доминирующим у всех групп должностей, за исключением неквалифицированных рабочих. Внутреннее призвание как основной мотив наиболее выражен у топ-менеджеров (52,4 % этих специалистов назвали его в числе прочих). Значимых гендерных отличий здесь не наблюдается, а вот по сферам занятости имеются некоторые особенности. Так, 55 % работающих в сфере образования выбирали специальность именно по призванию, и это самый популярный ответ у данной профессиональной группы. Если смотреть наиболее популярные ответы по другим аналогичным группам, то у работников промышленности это «просто получить диплом» (35 %), у финансистов и бухгалтеров — «легко попасть на бюджетное место» (44 %), а у военных и медиков — «посоветовали родители» (64,2 и 41,6 % соответственно). Любопытно, что представление о том, что военные и врачи — династические профессии, очевидно, имеет под собой реальную почву. Следующий по популярности ответ, хотя и с большим отрывом, — «легко попасть на бюджетное место» (19,7 %). Остальные ответы распределяются равномерно, составляя в среднем около 12 % на вариант. Однако это не касается наименее популярного ответа среди опрошенных — «высокооплачиваемая специальность» (2,7 %). Влияние родителей также нельзя признать определяющим (кроме двух вышеназванных профессиональных категорий), а если учесть, что именно родители оплачивают образование (учащихся на коммерческой основе у нас более 50 %) [4], то это говорит о довольно либеральной модели взаимоотношений в семье, во всяком случае в отношении выбора будущей профессии.

То же самое можно сказать о влиянии сверстников на выбор образовательной траектории у наших респондентов, хотя влияние среды на образовательный выбор абитуриента, казалось бы, должно иметь вес. Нельзя не обратить внимание и на вариант «низкая плата за обучение», который составил всего лишь 7,7 %. И это достаточно принципиальный момент, ведь игнорирование финансовой составляющей большинством абитуриентов, а вернее, их родителями говорит о том, что высшее образование в сознании родителей имеет статус высокой ценности, базирующейся на представлении о том, что в современном обществе его отсутствие обрекает ребенка на прозябание в «неблагоприятной» социальной среде, то есть среди простых рабочих, к которым в настоящее время в целом отношении населения нельзя назвать позитивным (в первую очередь это видно по низкой престижности рабочих профессий) [5]. В силу этого родители стараются не вмешиваться в профессиональный выбор ребенка и не навязывать ему свою волю в выборе специальности, но их позиция по поводу получения именно высшего образования является крайне жесткой.

Таблица 3

Что в большей степени повлияло на Вас при выборе специальности (направления подготовки), по которой Вы проходили обучение в вузе? (желательно отметить не более 3-х вариантов ответа)	Доля, %
Имели внутреннее призвание к ней	34,7
Легко попасть на бюджетное место	19,7
Посоветовали родители	15,0
Высокий престиж специальности	14,7
Высокий спрос на рынке труда	13,0
Просто получить диплом о в/о	13,0
Посоветовали друзья, знакомые, близкие люди	8,7
Ранее учился по данной специальности	8,0
Низкая плата за обучение	7,7
Высокооплачиваемая специальность	2,7
Другое	6,3

Следует отметить низкую популярность такого ответа, как «высокий спрос на рынке труда». Это явно свидетельствует о том, что выбор специальности едва ли имеет рациональные основания, ведь если рыночная конъюнктура не играет роли при выборе профессии, а роль эта остается за другими, нерациональными факторами, то можно ли утверждать, что «невидимая рука» рынка в данном случае является определяющей в аллокации специалистов? И если распределение специалистов в экономике происходит исключительно стихийно, есть ли основание говорить об эффективности такого метода? Вопросы эти крайне сложные и требуют тщательных и продолжительных исследований, но одно здесь очевидно: системе институтов и практик, опосредующих подготовку и включение специалистов в профессиональную жизнь, недостает дополнительных механизмов регулирования и координации, что и показали ответы наших респондентов.

Если обратиться к практикам трудоустройства, можно увидеть следующее. Среди молодых специалистов 38,7 % работают по полученной в вузе специальности, 18,7 % работают не по специальности, но в смежной области,

и 38,3 % заняты на работе, не имеющей никакого отношения к полученной в вузе специальности. Какие же специалисты преимущественно работают в той сфере деятельности, которая соответствует их диплому? Это медики (84,6 %) (рис. 1), около 40 % — юристы, педагоги и технические специалисты, чуть менее 40 % — гуманитарии и экономисты.

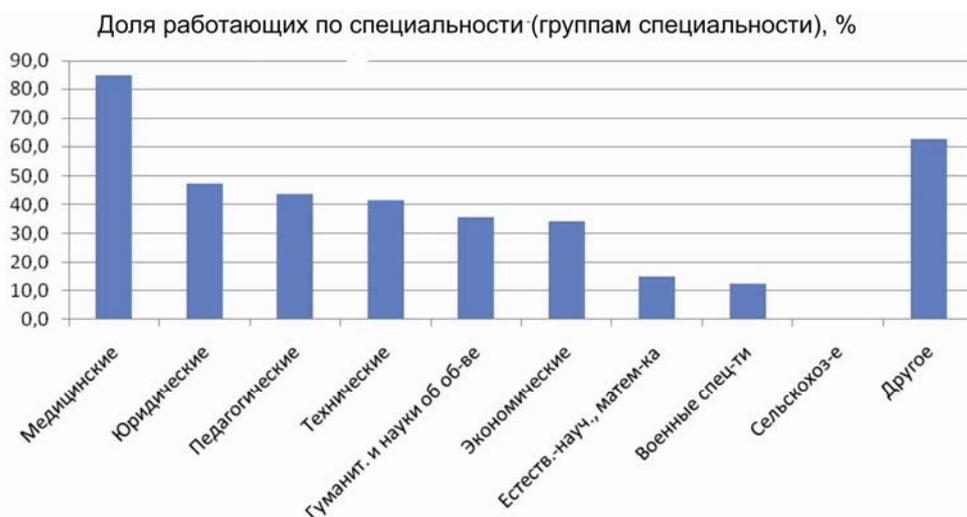

Рис. 1

Если посмотреть на распределение ответов по сфере деятельности респондентов (рис. 2), то картина складывается такая: получившие медицинское, педагогическое, военное, правоохранительное, включая МЧС, образование в подавляющем большинстве работают по специальности (по всем категориям около 80—90 %), а остальные профессиональные группы, кроме финансистов и бухгалтеров, составляют ту когорту, где доля работающих по специальности около 30 % и менее. Вероятно, причиной такого распределения ответов являются частично сохранившиеся связи между вузами и учреждениями гос-сектора, которые и обеспечивают эту высокую долю трудоустроившихся по специальности.

Если обратиться к процессу трудоустройства выпускников, то мы увидим следующее. Почти половина респондентов (45,3 %) ответили, что при трудоустройстве пользовались услугами друзей, близких и родственников (табл. 4). Это самый популярный по частоте ответ. Примерно столько же (39 %) использовали возможности Интернета. Довольно симптоматично, что услугами биржи труда воспользовались всего 3,7 % респондентов, а печатных СМИ — только 1,0 %. Почему ответы распределились подобным образом? И почему помощь и содействие социального окружения оказались так востребованы среди опрошенных? Согласно большинству исследований, причина в существовании многообразных устойчивых социальных контактов, образующих крайне важный актив индивида — «социальный капитал», который оказывает решающее влияние в том числе и на процесс трудоустройства [6, 7].

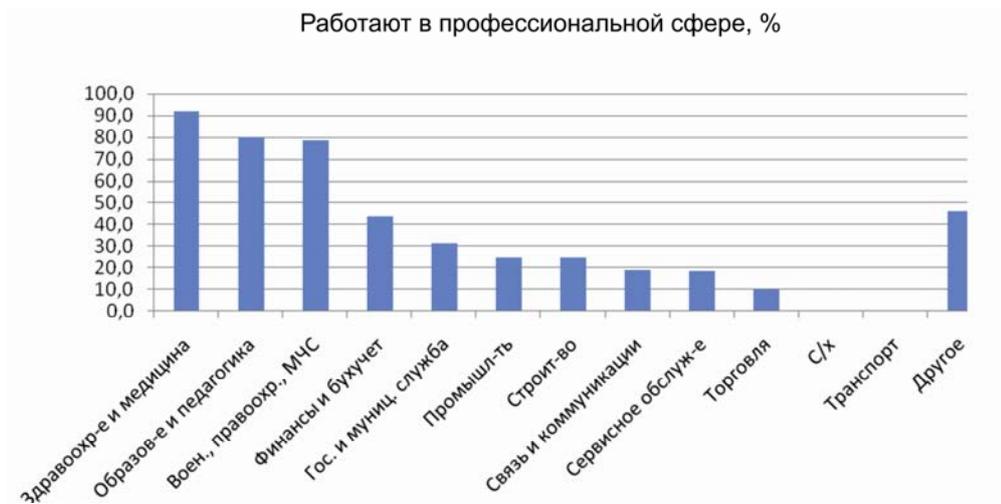

Рис. 2

Таблица 4

К помощи кого или чего Вы прибегали при трудоустройстве (поиске места работы)? (желательно отметить не более 3-х вариантов ответа)	Доля, %
Друзей, знакомых, родственников и т. д.	45,3
Интернета	39,0
Сами связывались с работодателями	21,3
Организации, в которой проходили практику на учебе	16,3
Учебного заведения	4,3
Биржи труда	3,7
Кадрового агентства	1,3
Печатных СМИ	1,0
Другое	4,7

Обратим внимание на крайне низкий процент ответов по таким категориям, как «печатные СМИ», «биржа труда» и «помощь учебного заведения». О чем это может свидетельствовать? Как минимум о двух важнейших показателях: неэффективности подобных институтов трудоустройства, а также недоверии к ним. Снижение интереса к печатным СМИ и увеличение интереса к электронным является вот уже длительное время очевидным трендом, но подобная констатация не вскрывает главного — отсутствия функциональности СМИ (как печатных, так и электронных) с точки зрения создания ими устойчивых и привлекательных коммуникаций между работодателями и выпускниками высшей школы.

Что касается мотивов, по которым респонденты выбирали место работы (табл. 5), то ситуация здесь в чем-то аналогична выбору специальности: каждый третий (и это первый по популярности ответ) — 32 % — указал на уровень зарплаты как основной фактор своего трудоустройства. Чуть менее трети (27 %) ответили, что это дополнительная возможность реализовать их идеи, и лишь 15,3 % сообщили, что они хотели работать по полученной специальности. Если условно разделить все причины выбора специальности из опросника на две агрегированные группы — психологические и материаль-

ные факторы, то вторые значительно перевесят первые. Несмотря на то что при выборе специальности респонденты руководствовались обратными мотивами (призванием и т. д.), очевидно, что материальные (денежные) стимулы являются доминантой при принятии решения о месте трудоустройства, и наивно было бы полагать, что они формируются у индивида непосредственно перед выпуском из вуза или в процессе самого поиска работы. С большой долей вероятности можно утверждать, что подобная доминанта у существенной доли опрошенных существовала уже на стадии их пребывания в статусе абитуриентов. Можно предположить, что подобное отношение к профессии — как к средству получения как можно большего количества благ — задается ценностями общества, в котором живут индивиды. И, надо отметить, что это утверждение не является гипотезой: на высокие потребительские запросы у молодых людей, ценности, культивируемые в СМИ и формирующие соответствующие поведенческие стереотипы, указывают авторы многочисленных исследований [8]. А кажущееся противоречие объясняется тем фактом, что перед поступлением в вузы перед молодыми людьми стояли задачи иного характера, связанные с самим фактом поступления. Позже, когда эти (тактические) вопросы решены, на повестке дня у молодого человека возникает образ будущего, где определяющими являются материальные факторы.

Таблица 5

Каковы основные причины Вашего выбора места работы, на которой Вы заняты в настоящее время? (желательно отметить не более 3-х вариантов ответа)	Доля, %
Уровень зарплаты	32,0
Возможность реализовать свои идеи	27,0
Возможность карьерного роста	24,3
Просто нужно было куда-то устроиться	16,3
Социальные гарантии	15,7
Гибкий рабочий график	15,7
Хотел работать по полученной специальности	15,3
Хорошие коллектив и атмосфера труда	10,0
Престиж компании	7,7
Близость к дому	5,7
Возможность работать вместе с близкими, друзьями, родственниками	3,7
Другое	3,3

Подводя итоги, обратимся к тем факторам, которые, по мнению респондентов, являются определяющими для получения «хорошей» работы. Около 2/3 респондентов считают, что в современном обществе «связи и знакомства» являются наиболее значимыми для получения хорошей работы (табл. 6). Два других популярных ответа — «качественное образование» (34 %) и «случай, удачное стечение обстоятельств» (28 %). На противоположном полюсе в нашем ранжированном списке располагается ответ «хорошая и привлекательная внешность» (3,7 %). Относительно популярности варианта «связи и знакомства» мы уже сделали соответствующий вывод. Ситуацию с распределением ответов вряд ли можно назвать оптимистической. Всего лишь 1/3 респондентов ответили, что качественное образование — фактор успеха на

рынке труда, при том что «случай, удачное стечение обстоятельств» набрал 28 %, будучи абсолютно демотивирующим фактором, лишаящим специалиста всякой перспективы развития и профессионального роста.

Таблица 6

На Ваш взгляд, что сегодня нужно, чтобы получить хорошую работу?	Доля, %
Связи и знакомства	64,3
Качественное образование	34,0
Случай, удачное стечение обстоятельств	28,0
Наличие диплома вуза	16,0
Хитрость, напористость и беспринципность	13,3
Интеллект	7,3
Деньги, подкуп, взятки	6,7
Хорошая и привлекательная внешность	3,7
Другое	13,7

В заключении заметим, что проведенный опрос и его результаты показывают, что поставленные вопросы требуют более полного и фундаментального изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Российский работник: образование, профессия, квалификация / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшников. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 306.
2. Статистический ежегодник по Челябинской области: стат. сб. Челябинск, 2012. С. 162.
3. Российский статистический ежегодник. 2012: стат. сб. М., 2012. С. 256—257.
4. Статистическая характеристика системы профессионального образования: 2000—2011 гг. Информационный бюллетень. М. : НИУ ВШЭ, 2013. С. 30.
5. Макарова М. Н. Стратегии воспроизводства рабочих как отражение их трудовых и образовательных ориентаций // СоцИс. 2007. № 8. С. 58.
6. Грановеттер М. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М. : РОССПЭН, 2004. С. 369—399.
7. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121—139.
8. Зубок Ю. А., Чупрова В. И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // СоцИс. 2012. № 8. С. 103—111.

1. Rossiyskiy rabotnik: obrazovanie, professiya, kvalifikatsiya / pod red. V. E. Gim-pel'sona, R. I. Kapelyushnikova. M. : Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2011. S. 306.
2. Statisticheskiy ezhegodnik po Chelyabinskoy oblasti: stat. sb. Chelyabinsk, 2012. S. 162.
3. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2012: stat. sb. M., 2012. S. 256—257.
4. Statisticheskaya kharakteristika sistemy professional'nogo obrazovaniya: 2000—2011 gg. Informatsionnyy byulleten'. M. : NIU VShE, 2013. S. 30.

5. *Makarova M. N.* Strategii vosпроизводства rabochikh kak otrazhenie ikh trudovykh i obrazovatel'nykh orientatsiy // *SotsIs.* 2007. № 8. S. 58.

6. *Granovetter M.* Sotsiologicheskie i ekonomicheskie podkhody k analizu rynka truda: sotsiostrukturnyy vzglyad // *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoy klassiki.* M. : ROSSPEN, 2004. S. 369—399.

7. *Koulman Dzh.* Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'.* 2001. № 3. S. 121—139.

8. *Zubok Yu. A., Chuprova V. I.* Otnoshenie molodezhi k obrazovaniyu kak faktor povysheniya effektivnosti podgotovki vysokokvalifitsirovannykh kadrov // *SotsIs.* 2012. № 8. S. 103—111.

© Щепетков С. С., 2013

*Поступила в редакцию
в июне 2013 г.*

УДК 379.851

*Л. А. Меньшиков***ТУРИСТ
В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ**

В работе исследуются изменения городского туризма, которые повлекли за собой трансформацию жизни городов. Туризм стал симулякр, формой игры, жанром искусства действия. Площадкой для такой игры становится город-памятник, который получает черты симулированной ради туризма реальности.

Ключевые слова:

туризм,
искусство действия,
массовое общество,
город-памятник,
культура постмодерна,
игра,
глобализация,
музеефикация.

*L. A. Menshikov***TOURIST
IN MODERN CITY**

Changes in the city tourism are investigated in the article. These changes caused transformation in the life of cities. Tourism has become a simulacrum, a game and a genre of actionism. The memorial city becomes the platform for such artistic game and turns into the feigned reality for the sake to the tourist industry.

Key words:

tourism,
actionism,
mass society,
memorial city,
post-modern culture,
game,
globalization,
transformation into a museum.

Значительное влияние на жизнь и развитие ряда современных городов оказывает такое явление культуры, как туризм. Несмотря на происходящую буквально на наших глазах массовизацию этого вида времяпрепровождения, до сих пор остаются неисследованными проблемы интенсификации его влияния на жизнь города и изменения роли человека в туристской деятельности. Можно предположить, что здесь происходят процессы, аналогичные постмодернизации культуры, охватившей во второй половине XX в. и другие стороны жизни человека.

Бурное развитие туризма стало в определенной мере знаком культуры второй половины XX в. Статус туризма значительно изменился. Современный турист — это уже не путешественник прошлых веков — у него нет ничего общего ни с Афанасием Никитиным или Марко Поло, ни с Карамзиным или Стендалем, ни с многочисленными путешественниками эпох романтизма и модерна, томно созерцающими величественные и вечные памятники: «На смену путешественникам, которых было не так-то и много, пришел массовый туризм, который нацелен... на получение ярких впечатлений, хорошего настроения... и комфортабельного отдыха» [1, с. 10]. Современный турист становится силой, активно вмешивающейся в жизнь города, который он посещает. Изменяется не только жизнь города, но и жизнь горожан, населяющих его. Туризм становится одним из возможных факторов постмодернизации сознания горожан; это возможно потому, что «представления горожан о городе (образ города) во многом формируются окружающей действительностью — характером городской среды, которая формирует символический капитал города» [2]. Взгляд горожан на город лишается прежней устойчивости и самоопределенности, а начинает фрагментироваться и терять целостность. В классической социологии город «рассматривается как особая форма существования культуры, способствующая установлению отношений гармонии между личностью и внешним миром» [3], но совершенно другая ситуация складывается в современном городе, в жизнь которого активно вмешивается турист, зачастую нарушающий традиционную жизнь города. Это происходит из-за изменения

отношения туриста к своим перемещениям и из-за того, что туризм на современном этапе развития культуры превращается в мощную индустрию. Города как центры цивилизации, служившие в значительной степени той точкой притяжения, которая привлекала туристов, сами стали изменяться под их влиянием. В результате «возник новый тип потребителя — это “глобальный турист”, который разъезжает по миру группами и поодиночке, проникает во всевозможные ранее недоступные места, заполняет центры исторических городов и становится неотъемлемой частью города» [1, с. 10].

Характерным продолжением этой тенденции становится появление городов-памятников. Оно, конечно же, не означает появления новых городов на карте мира, но означает лишь появление нового отношения к городу. Понятие «город-памятник» первоначально фиксируется применительно к истории культуры, обозначает наше желание сохранить наследие предшествующих эпох и сделать это, где возможно, в максимально широких границах. Город-памятник, в котором оказывается достаточное количество напоминаний о старине, и позволяет это сделать. Патриотические, историко-культурные, образовательные задачи стимулируют поиск такого рода достопримечательностей. Действительно, город-памятник позволяет сохранить ауру, целостность, даже подлинность того этапа истории культуры, который он отражает. Но чем более ценен в историческом значении тот или иной город, тем скорее он становится предметом коммерческого интереса туристской индустрии, тем больше шансов у него стать востребованным в качестве места паломничества значительного количества туристов, ведь только масса туристов обеспечивает доход. В результате в таком городе его подлинность уходит на второй план, а сам он превращается в декорацию для туристского спектакля. Подлинность города-памятника никому не интересна: если у него нет ничего, кроме подлинности, то он будет медленно разрушаться. Если же к подлинности добавляется привлекательность для туриста, он быстро превращается в симулякр, за которым, конечно же, стоит некая давно уже забытая подлинность, но она — лишь фон для комфорта,

Об авторе:

Меньшиков Леонид Александрович –
канд. филос. наук, доцент,
зав. кафедрой общественных
и гуманитарных наук,
Санкт-Петербургская государственная
консерватория, lmensch@mail.ru
Menshikov Leonid Aleksandrovich –
Candidate of Philosophy, Docent,
the Head of Social and Liberal Studies Department,
Saint-Petersburg State Conservatory

удобства, развлечений, отдыха. Такой город становится «двойным» городом: где-то глубоко скрыта его история, смысл, подлинность, но снаружи виден лишь внешний, многократно воспроизводимый, массовый облик, который постепенно все более и более вытесняет и уничтожает подлинный культурно-исторический смысл. Так меняется великий город, становясь предметом интереса туристской индустрии, превращаясь лишь в место, куда можно путешествовать, но где постепенно пропадает под систематическими обновлениями история и где уже практически невозможно жить. В городе-памятнике постепенно умирает как прошлое, так и настоящее, у этого города практически нет будущего, он грозит превратиться в туристский симулякр. Такова, по видимому, судьба Венеции. И чем более город пытается выстроить туристский бизнес, чем более успешно ему удастся торговать своими видами и памятниками, тем больше у него шансов стать лишь симуляцией жизни. Иначе этот процесс называют «музеефикацией города», которая заключается в том, что в значительном количестве городов центр становится «пространством для туристов, но не для жителей города» [1, с. 11], поскольку сохранение культурного наследия оказывается возможным только в случае его коммерческого использования в туристских целях и очищения исторического центра от всех остальных функций, кроме музейных. Такой город и становится городом-памятником, лишенным жизни, омертвевшим симулякром прежде неидеального, но «живого тела города» [1, с. 11].

Каковы причины такого изменения статуса городов? Известный теоретик постмодерна Чарльз Дженкс, характеризуя кризис современной архитектуры, сопоставлял для наглядности авангардистскую практику строительства с повальным увлечением туризмом. Согласно сформулированному им «закону уменьшения архитектуры Ивана Иллича», для каждого функционального типа архитектурного сооружения имеется свой предельный размер, по достижении которого здание перестает удовлетворять тем задачам, ради которых строилось [4, с. 18]. Оно становится непригодным для использования и опасным для окружающей среды. Наблюдая за развитием туризма в современной культуре, можно сделать вывод, что и в нем происходят аналогичные кризисные процессы. Глобализация, включение большинства стран в единую мировую цивилизацию, развитие средств связи и транспорта, сравнительная легкость, быстрота и безопасность передвижения по миру, наконец, значительное повышение уровня жизни «строителей мировой цивилизации» привели к увлечению туризмом.

Существующую сегодня ситуацию в каком-то смысле можно сравнить с ситуацией в античной Греции, когда люди, выключенные из сферы материального производства и обладающие высоким и стабильным доходом, посвящали себя духовному совершенствованию. Как древний грек мог путешествовать по известному ему миру, получать все новые и новые знания, становиться «гражданином Вселенной», так и современный путешественник, не обремененный постоянными заботами о хлебе насущном, имеет перед собой множество путей для постижения нового. Одной из первых в списке целей туризма стоит именно личностно формирующая и образовательная задача. Насколько она выполняется в современных условиях? В то время, когда туризм был элитарным способом времяпрепровождения, у путешествующих людей действительно были время и возможности долго и вдумчиво рассмат-

ривать разнообразные достопримечательности, извлекать из этого определенную пользу для себя, отдыхать и одновременно просвещаться. Сейчас же, по аналогии с законом Иллича, мы имеем дело либо с псевдотуризмом, либо с его суррогатом.

Огромные толпы туристов переезжают с места на место, не успевая ничего не только внимательно рассмотреть и запомнить, но даже и просто разглядеть: происходит «запрограммированное, непрерывно длящееся развлечение и заталкивание людей в очереди, загоны, на движущиеся конвейерные линии» [4, с. 19]. Здесь возможна реализация лишь двух целей — отдохнуть и запечатлеть себя на фоне исторических развалин, чтобы затем показать сослуживцам: «И я там был». Туристский сервис, который, на первый взгляд, становится все совершеннее и совершеннее, тем не менее, также подвержен колебаниям качества и количества. Сколь бы ни было высоко качество обслуживания, оно неизменно теряется, когда охватывает колоссальные массы людей. И толпы туристов действительно превращаются в несчастные и загнанные стада (пусть и привилегированные), которые с места на место перегоняются всевозможными гидами, групповодами, высококвалифицированными менеджерами и руководителями групп. Турист заботится только о том, что бы не отстать и не потеряться в незнакомой стране. Он не смотрит на то, на что приехал посмотреть, а внимательно следит за указаниями руководителя. Ничего узнать в такой обстановке, конечно же, невозможно — можно лишь «приобщиться к мировой цивилизации».

Это в меньшей мере относится к туризму спортивному и туризму, имеющему целью отдых (обычно на берегу южного моря). Но здесь вступают в действие иные отрицательные явления. Становясь массовым там, где возможно, спортивный туризм теряет свой смысл. Если массы пожелают совершить переходы по бурным сибирским рекам, то туристской индустрии придется соответствующим образом цивилизовать окружающую природу — чтобы было не холодно, не опасно для жизни, не слишком трудно. Если массы заходят взобраться на Эверест — будет проложена шоссейная дорога к его вершине. Это, очевидно, дискредитирует сам смысл спортивного туризма, главное содержание которого — преодоление природных опасностей, достижение высоких спортивных результатов — не может заинтересовать массового потребителя. В результате получается суррогат.

Далее, в случае рекреативного туризма. Человек едет отдохнуть на берег экзотического моря. Когда он один, он попадает на действительно неизведанную и неисхоженную людьми землю. Такой необычный отдых имеет смысл. Он экзотичен, он запоминается, перемена обстановки дает сильные эмоции и позволяет отдохнуть. Но если желающих приехать на море сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч? Оказавшись на необустроенном берегу, они испытают дискомфорт. Туристская индустрия постарается «облагородить» приглянувшуюся туристам местность. И вот уже вырастают по-европейски комфортабельные гостиницы, уютные пляжи, посыпанные чистейшим песком, и все прочие атрибуты отдыха у моря, которые не только очень быстро приходят в негодность, но и представляют собой очередной суррогат. Зачем ехать в далекую экзотическую страну, когда все те же блага можно получить в каком-нибудь центре отдыха в европейском городе в любое время года — аквапарки ничуть не хуже. Теряется уникальность экзотических уголков ми-

ра, их неповторимость и привлекательность: смысл туризма исчезает, но толпы туристов продолжают штурмовать аэропорты и гостиницы. Они лишь следуют традиционной культурно-исторической привычке, которая имеет престижно-статусный смысл.

Свободное время следует проводить вне дома — говорит туристу современная европейская культурная традиция. Действительно, на протяжении всей истории европейской культуры рекреационные зоны выносились за пределы человеческого жилья. Это глубинная мифологема, связанная с первоначальным разделением территории проживания на «свое» и «чужое», сакральное и профанное пространство, представляет собой «обычное для живого человека ощущение “своего” и “чужого” пространства» [5]. Такое разделение может быть прослежено от эпохи палеолита — от истоков культуры — до современной цивилизации. Освоенное («свое») пространство на протяжении всей истории человечества расширялось, все вытесняя и вытесняя «чужое». Сначала человеком была освоена пещера, затем дом, город, страна, затем последовали Великие географические открытия... «Чужое» и неизведанное постепенно исчезает с лица земли. Но релаксация традиционно считается выходом из нормального человеческого состояния и может происходить только за пределами «своего». В современном русском языке даже глагол «расслабиться» несет соответствующие маргинальные коннотативные смыслы. Туризм — лишь один из наиболее цивилизованных (облагороженных цивилизацией) способов такого отдыха. В туризме присутствует некая карнавальная стихия, которая должна выплеснуться по возможности безопасно для человека и общества.

У современного человека сохраняется глубинное желание вынести рекреационную область за пределы «своего» пространства. А это пространство, вследствие глобализационных процессов, расширилось до невообразимых пределов. Человек стал чувствовать себя гражданином мира, не побывав ни в одном из отдаленных уголков его. Он включает телевизор, смотрит новости и испытывает ощущение непосредственного присутствия в самых разных точках Земли, ощущает участие в самых разнообразных перипетиях политической жизни, чувствует себя причастным ко всем событиям. На самом деле все это происходит очень далеко и никак на жизнь этого человека не влияет, но он воспринимает все это как близкое, а значит, «свое». Здесь действует глубинный архетип, который заставляет человека издревле приобщаться к потустороннему, постоянно ощущать сопричастность иному миру. Этот архетип, лежащий в основе мифологического сознания и магии, продолжает действовать до сих пор (применительно к телевидению, кстати, он точно сформулирован в мультфильме о Карлсоне: «А как это она туда залезла?»). И страшно, и непонятно, и далеко, и в то же время кажется, что все это происходит в нашем маленьком замкнутом мире. Таким образом, научное, обыденное и мифологическое сознание современного человека вступают в противоречие. Весь мир — свой, он виден как на ладони, и отрицать это бессмысленно. А если будешь отрицать, то средства массовой информации вновь и вновь докажут твою причастность к мировому процессу. Но вырваться из «своего» мира на некоторое, пусть даже очень короткое время, и броситься в карнавальную стихию необходимо. Броситься только для того, чтобы потом опять целым и невредимым вернуться к обыденности.

И здесь помогает туризм. Наш современник ищет отдушину во всеобщем постигнутом и освоенном мире. Ищет хоть небольшой участок неизведанного, непознанного — сакрального — пространства. И мечется из одной туристской поездки в другую. Хочет объездить весь мир. Но возвращается из поездок чаще всего неудовлетворенным и желающим ехать снова и снова. Говорит, что едет, чтобы посмотреть новые страны и города, чтобы расширить кругозор. Но это не так — предварительно он пытается читать путеводители и бесчисленные описания страны, в которую едет, и приехав, часто знает о ней больше, чем местные жители. Говорит, что едет, чтобы отдохнуть в необычной обстановке, но приехав, отдыхает так же, как и всегда, не замечает в новом месте ничего необычного и остается чаще всего разочарованным, поскольку все это уже видел и в таких условиях отдыхал. Пусть отдыхал где-то в другом месте, но условия-то и обстановка были в точности такими же. Он ищет новизны, ищет чего-то другого и неизведанного, но не может этого найти по определению. Не может, потому что живет в постсовременной цивилизации, которой уже давным-давно все известно, для которой все новое когда-то уже было открыто и которая занята исключительно комментированием своей собственной истории. Более того, мешает туристу найти новизну и нарастающая глокализация культуры: «Возможность быстрого воспроизводства любых культурных явлений и объектов практически в любой точке земного шара обеспечивает распространение локальных культурных форм. Местные культурные особенности... отправляются в путешествие и распространяются по миру» [1, с. 14]. В результате турист в любом месте получает практически повторяющиеся культурные впечатления — важна уже не культурная принадлежность того или иного явления, предмета, важно среди локального многообразия выбрать наиболее экономически выгодный туристский продукт и максимально широко распространить его. Культурная принадлежность, связь с локальной традицией становится лишь необходимым знаком, отсылающим к туристской ценности: он просто должен быть, а каков он — неважно, лишь бы имел, наряду с символической ценностью, экономическую рентабельность.

Экономическая выгода крепко врастает в понимание города-памятника также и по причине того, что памятник сам по себе представляет собой успешный политико-идеологический паразит. Памятник в любой культуре представляет собой «ценный сам по себе материальный объект, ... вырванный из контекста культуры, и тем самым при рассмотрении вне комплекса дающий искаженную информацию» [6]. Город-памятник обладает некой символической ценностью, благодаря которой его можно использовать как нейтральный объект индустрии, который может быть по-разному интерпретирован и продан в любой ситуации, будучи особым образом маркетингово подготовлен. Общественное сознание, в том числе сознание туриста, воспринимает памятник как нейтрально окрашенную культурную ценность, совершенно не задумываясь о его реальном историческом смысле.

В этом коренится бессмысленность и суррогатность теперешнего туризма. Он все более и более превращается в подобие одного из видов современного искусства, стоящего на грани массового и элитарного, — искусства действия со всеми его атрибутами. Элитарного потому, что непонятно большинству и доступно лишь немногим, знакомым с достижениями мировой

культуры и способным трактовать его сложные семантические резоны. И массовым потому, что оно оперирует образами и темами массовой культуры, обращается к зрителю-профану и завоевывает его сознание, становясь все более и более популярным. Туристская индустрия превратилась в индустрию перформанса или хеппенинга, который разыгрывают многочисленные участники. Действо это бессмысленно в традиционном значении, потому что единственный его смысл — пародия, пастиш — серьезное осмеяние тупой и несоответственной человеку действительности. Туристское действо — это коллаж маленьких происшествий, которые в обычной жизни друг с другом не связаны и поэтому, будучи сопоставленными и собранными вместе благодаря тайной и непонятной режиссуре художника, представляют собой пародию на жизнь. Во время этого пародийного розыгрыша все происходит по чьему-то не зависящему от нас соизволению, но при этом прерывается совершенно абсурдными и никем не запланированными событиями.

Человек вроде бы проживает целый месяц своего отпуска, но ничего настоящего с ним не происходит. Он приходит в туристскую фирму, где обсуждает с менеджером план предстоящей поездки — спектакля, в котором он будет участвовать. Поступок совершенно бессмысленный, потому что уже давным-давно и без него решено, куда и как он едет. Он может выбрать один из нескольких возможных, тщательно составленных знающими людьми маршрутов, которые похожи друг на друга как две капли воды своей благоустроенностью и безопасностью. Пожелания клиента могут быть учтены лишь тогда, когда они входят в сеть туристской индустрии и не противоречат ее планам, иначе они будут отвергнуты. Да и мало кому в голову придет составлять план предстоящего путешествия без советов менеджера — турист же едет туда, где он почти ничего не знает, а менеджер все знает (хотя, может быть, в стране, которую описывает, никогда и не был). Дальше путешественник с серьезным и важным видом в предвкушении новизны садится на поезд или в самолет, и машина, заведенная привычной рукой перформера, начинает действовать.

Все персонажи хорошо знают свои роли и роли друг друга, но все их действия бессмысленны. Они играют свои линии в спектакле, эти линии независимы друг от друга и имеют смысл лишь будучи независимыми, собираясь же вместе в туристском действе этот смысл теряют. Пилот самолета везет туристов в определенную точку Земли; это имеет смысл, когда он везет деловых людей, которым надо попасть в нужное место и в нужное время, но туристам все равно, куда лететь — зачем же он их везет именно туда? Гид рассказывает о местных достопримечательностях; это имеет смысл, когда он руководит экскурсантами, знающими страну и заинтересованными в ее изучении, но турист все равно ничего не запомнит и ему все равно, кого слушать. Архитектор строит гостиницу, пытаясь следовать местным традициям — получается неудобно и некомфортабельно. Тогда он строит как в Европе, гостиница получает достаточное количество звездочек, и турист доволен; но в такой гостинице можно было пожить и в родной Европе — зачем лететь в экзотическую страну? Метрдотель описывает достоинства своей гостиницы, своего пляжа, своего города, но эти достопримечательности ровно ничем не отличаются от достопримечательностей других точно таких же уголков. Действующие лица сменяют друг друга, исполняют свои осмысленные роли,

но они могли бы этого и не делать — результат был бы тем же. В итоге всей их совместной и плодотворной деятельности получается коллаж — произведение коллективных творческих усилий.

Один их теоретиков перформанса Алан Кэпроу называл семь правил [7], необходимых для того, чтобы он осуществился, и все эти правила действуют в отношении туристского путешествия в нынешнее время. Тесная связь искусства с жизнью — необходимая составляющая искусства действия. Туризм — это, конечно же, отдых во время жизни, то есть не серьезная, не обыденная, не настоящая жизнь, но очень на нее похожая. Вернее, похожая на некий жизненный идеал, на жизнь «как в сказке». Искусство действия развивается в нескольких параллельных пространствах. Все деятели туризма живут как бы в параллельных мирах, не пересекающихся друг с другом по смыслу, а взаимодействующих лишь физически. Для организаторов туризма — это бизнес в серьезном деловом мире, для туристов — отдых в мире карнавальном, для жителя той страны, в которую прибывает турист, — жизнь в мире обыденном, а приезжие, нарушившие спокойствие этого мира, хотя и несут ему некоторые неприятности, нарушая традиционный уклад, но также и доставляют доход. Наконец, есть четкое разделение на профанный и сакральный миры, в которых профаны-туристы действуют в соответствии с указаниями своих почти сакральных руководителей. В этом пространстве сюжетные линии свободно перемещаются, давая поле для сотворения коллажа. Можно произвольно прервать один вид деятельности и заняться чем-либо другим (правда, только в рамках туристской путевки). Особый ритм времени также свойственен поре отдыха. Всего лишь один месяц или даже меньше, а впечатлений, несмотря ни на что, накапливается на долгое время. Складывающийся в результате всех этих действий коллаж, на первый взгляд, распадается на бездну несвязанных событий, но, на самом деле, все они подчинены общей цели, которая определяется четко и ясно еще в начале путешествия. И только эта цель придает некоторую осмысленность всем поползновениям нынешних туристов. Подобное описание туристских поездок вызывает ощущение некоторой театральности, игры, в которую играют туристы-актеры. Но при всех наличествующих признаках игрового поведения они стремятся сохранять «серьезные лица», делая вид, что их активность осмысленна и имеет нетеатральную цель (отдых, образование, знакомства). Кроме того, туристская игра, в отличие от игры театральной, рассчитана на однократное исполнение. Ее повторение принципиально невозможно: зачем ехать еще раз туда, где уже был? Это уже будет не туризм как таковой, он лишится своей осмысленной бессмысленности.

Важен ли в такой ситуации город, в который едет турист? Исследования показывают, что разные города имеют разную привлекательность: «Самыми привлекательными для туристов... признаны Париж, Лондон и Барселона... за лидерами следуют Берлин, Амстердам, Мюнхен, Стокгольм, Прага, Рим и Афины» [8]. Перечень городов таков, что его можно было бы составить, не проводя никаких специальных социологических и маркетинговых исследований. Перечислены в основном города, с одной стороны, отражающие определенный уровень цивилизации и комфорта, а с другой стороны, представляющие собой своеобразные мифы о современной культуре, основанные на длительной исторической преемственности и укорененности в прошлом. Та-

кая привлекательность имеет символическую и даже мифологическую природу. Важна не практическая привлекательность города, а существующее в массовом сознании представление о таковой привлекательности, которое выражается в наличии символического основания у образа соответствующего города. Такое основание должно быть «музеефицировано» и хорошо опознаваться даже в отрыве от своего исторического субстрата. То же самое происходит в музее, где экспонат не сообщает нечто о той культуре, к которой принадлежит, но лишь является определенным брендом. Поэтому «одним из критериев определения привлекательности городов была легкая узнаваемость известных объектов» [8].

Критерии привлекательности носят в значительной степени экономическую определенность, но объединяет их все зрелищность современного города-памятника как продукта туристской индустрии. Зрелищность, которая стала присущей ему благодаря тому, что он стал частью туризма как искусства действия — постмодернистского псевдотеатрального искусства: «Одним из самых ярких признаков мировых городов становится зрелищность самой архитектуры... Сюжетность как возможность неожиданных переживаний становится нормой городского пространства» [9]. Город-памятник превращается самостоятельное зрелище, в декорации, которые начинают становиться привлекательнее самого действия и в результате сами принимают участие в действии, город-памятник и туризм сливаются в единый концепт, образуя своеобразный синтез индустриализированного искусства.

Туризм в конце XX в. приобрел принципиально иное содержание, чем имел в эпоху, предшествовавшую постиндустриальной. Причиной этого является глобализация, коренное изменение условий жизни человечества, которое не затронуло глубинные ментальные парадигмы массового сознания, по сути своей являющегося мифологическим. Это привело к «артезации» туризма, превращению его в искусство действия и включению в художественную практику эпохи постмодерна. Такой постмодернистский туризм способен превратить город в город-памятник — постмодернистский город. Только такой город нужен постмодернистской культуре, потому что лишь он способен вписаться в туристскую индустрию, являющую собой одно из наиболее точных проявлений основополагающего принципа этой культуры, «в которой традиционная связь между потребностями и их удовлетворением переворачивается с ног на голову: обещание и ожидание удовлетворения предшествует потребности, которую обещано удовлетворить» [10]. Именно на этом принципе и строится туризм как искусство действия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Птичникова Г. А.* Архитектура и потребитель: метаморфозы города под влиянием глобального туризма // *Социология города.* 2010. № 3.
2. *Дягилева Н. С., Журавлева Л. А.* Городская идентичность: понятие, структура, основы формирования // *Социология города.* 2012. № 1. С. 58.
3. *Назарова М. П.* Город как социокультурный феномен // *Социология города.* 2010. № 4. С. 3.
4. *Дженкс Ч.* Язык архитектуры постмодерна. М., 1985.

5. *Еремеев А. Ф.* Первобытная культура: происхождение, особенности, структура : в 2 ч. Ч. 1. Саранск, 1996. С. 139.
 6. *Назарова М. П.* Информационный потенциал памятников городской архитектуры // Социология города. 2009. № 2. С. 42.
 7. *Kaprow A.* Assamblages, Environments and Happenings. N.-Y., 1966. P. 53.
 8. *Щекин Г. Ю.* Город как предмет туристского интереса // Социология города. 2010. № 4. С. 8.
 9. *Птичникова Г. А.* Архитектурное пространство в эпоху глобализации // Социология города. 2008. № 1. С. 44.
 10. *Добренъков В. И.* Ценностно-ориентированная социология. М., 2011. С. 396.
-
1. *Ptichnikova G. A.* Arkhitektura i potrebitel': metamorfozy goroda pod vliyaniem global'nogo turizma // Sotsiologiya goroda. 2010. № 3.
 2. *Dyagileva N. S., Zhuravleva L. A.* Gorodskaya identichnost': ponyatie, struktura, osnovy formirovaniya // Sotsiologiya goroda. 2012. № 1. С. 58.
 3. *Nazarova M. P.* Gorod kak sotsiokul'turnyy fenomen // Sotsiologiya goroda. 2010. № 4. S. 3.
 4. *Dzhenks Ch.* Yazyk arkhitektury postmoderna. M., 1985.
 5. *Eremeev A. F.* Pervobytnaya kul'tura: proiskhozhdenie, osobennosti, struktura : v 2 ch. Ch. 1. Saransk, 1996. S. 139.
 6. *Nazarova M. P.* Informatsionnyy potentsial pamyatnikov gorodskoy arkhitektury // Sotsiologiya goroda. 2009. № 2. S. 42.
 7. *Kaprow A.* Assamblages, Environments and Happenings. N.-Y., 1966. P. 53.
 8. *Shchekin G. Yu.* Gorod kak predmet turistskogo interesa // Sotsiologiya goroda. 2010. № 4. S. 8.
 9. *Ptichnikova G. A.* Arkhitekturnoe prostranstvo v epokhu globalizatsii // Sotsiologiya goroda. 2008. № 1. S. 44.
 10. *Dobren'kov V. I.* Tsennostno-orientirovannaya sotsiologiya. M., 2011. S. 396.

© *Меньшиков Л. А.*, 2013

*Поступила в редакцию
в июне 2013 г.*

УДК 711.4

*Н. Г. Юшкова***ГОРОД КАК ИНТЕГРИРОВАННАЯ СИСТЕМА**

Представлены результаты исследования проблемы разработки градостроительных решений на основе принципа преемственности развития градостроительных систем и доказана состоятельность их прочтения в современных условиях на примере Волгограда как исторически сложившегося города. Предложена авторская методологическая система, предлагаемая к использованию в современной практике разработки градостроительной документации.

Ключевые слова:

генеральный план, эволюция, преемственность, устойчивость, градостроительная система.

*N. G. Yushkova***CITY AS AN INTEGRATED SYSTEM**

The results of research of a problem of development of town-planning decisions on the basis of the principle of continuity of development of urban planning systems are presented and the consistency of their reading under modern conditions on the example of Volgograd as historically developed city is proved. The author's methodological system offered to be used in modern practice of development of urban planning documentation is suggested.

Key words:

master plan, evolution, continuity, stability, urban planning system.

Об авторе:

Юшкова Наталья Геннадиевна — канд. арх., доцент кафедры архитектуры жилых и общественных зданий, ВолГАСУ

Yushkova Nataliya Gennadievna — Candidate of Architecture, Docent of Apartment and Public Buildings Architecture Department, VSUACE

Особенностью города как интегрированной системы является его способность к постоянным функциональным, планировочным и структурным изменениям, приводящим не только к частичным, но и к значительным трансформациям архитектурного облика. Эти изменения характеризуются одновременно и количественными, и качественными показателями. Наиболее характерные изменения этих сочетаний можно выявить при рассмотрении генеральных планов города в эволюционной динамике.

Генеральный план города характеризуется совокупностью приемов и способов застройки и реконструкции объектов материально-пространственной среды. Выраженные градостроительные принципы ее формирования и реорганизации находят непосредственное отражение в генеральном плане, в то время как фиксация этих изменений закрепляется в рисунке планировочной структуры города и составляющих ее элементов. Соответственно, сравнение генеральных планов одного города, выполненных в разные годы, позволяет обнаружить изменения градостроительных принципов, лежавших в основе их разработки.

Рассмотрение генеральных планов Сталинграда — Волгограда 1943, 1962, 1984 гг. дает возможность определить градостроительные изменения в сравнительной эволюционной динамике и выявить степень преемственности в развитии планировочной структуры города [1].

Градостроительное развитие городских территорий сопряжено с двумя взаимоисключающими и взаимодополняющими явлениями: управляемостью, планомерностью развития и его же спонтанностью и неуправляемостью. Генеральный план города, являясь инструментом управления, содержит в себе набор градостроительных мероприятий, нацеленных на управляемость его развития. Результативность и планомерность этого процесса, априори гарантированные генеральным планом города, в силу целого ряда причин, прежде всего экономического характера, были значительно ниже предполагаемых.

В последнее десятилетие в нашей стране управляющему началу, заключенному в природе генерального плана, противодействовало спонтанное градостроительное развитие городских

территорий. Подобные процессы нередко вызывали конфликтные ситуации, приводящие впоследствии к еще более сложным градостроительным проблемам. Предотвратить случайный характер развития города в подавляющем большинстве случаев сложно. Однако можно противодействовать этому посредством усиления роли инструментов управления городским развитием.

Исключение элементов случайности и субъективизма из процесса разработки генерального плана, строгая обоснованность составляющих его градостроительных мероприятий, а также наличие теоретических и научных основ принятия планировочных решений — все это является залогом того, что содержание генерального плана будет максимально приближено к возможностям его реализации, реалиям социально-экономической ситуации и имеющимся ресурсам. Недостаточный учет тех или иных факторов в процессе разработки генерального плана города приводит впоследствии к тому, что градостроительное развитие происходит со значительными отступлениями от первоначально намеченных мероприятий. И, в результате, генеральный план города, направленный на то, чтобы сделать развитие территории более целенаправленным и предсказуемым, на самом деле становится не более чем идеалистическим документом. Изначально заложенное в генеральном плане несоответствие перспективных планов развития возможностям их реализации (ресурсам) искажает сущность его как инструмента управления градостроительным развитием территории города.

Нельзя исключить влияние на принципы формирования генерального плана города такого важного фактора, как идеология. Наиболее заметно ее влияние проявилось в годы утверждения предшествующих генеральных планов Волгограда, при составлении которых градостроительные принципы не были ведущими. Часто превалировал социальный смысл политико-экономического устройства, что находило прямое отражение в градостроительных концепциях генерального плана. Планировочные решения совершенствовались во времени и все более «социализировались». Они стремились соответствовать изменившимся процессам жизнедеятельности.

Завышенные масштабы и объемы градостроительных мероприятий, наполнивших собой генеральные планы, являлись не чем иным, как шкалой, способной измерить уровень социально-экономического развития страны. Неудивительно, что генеральный план изначально содержал в себе градостроительные программы, не соизмеримые с реальными возможностями их осуществления.

Размах градостроительной деятельности, развернувшейся в городе после Великой Отечественной войны, был вполне оправдан стремлением во что бы то ни стало возродить его из руин. Имевшиеся в наличии ресурсы, финансовые и трудовые, позволили интенсифицировать строительную активность. опережение реальной строительной деятельностью планируемой дало возможность во втором послевоенном генеральном плане города (1962 г.) предусмотреть значительное увеличение объемов градостроительных мероприятий. Осмысление реальных потребностей градостроительного развития города начиная с середины 1950-х гг. в большей степени было связано с общими направлениями в экономической политике, проводимой в стране. «Индустриальный» аспект в экономике получил адекватное отражение в архитектуре. В градостроительстве, напротив, были созданы идеальные условия для при-

нения экономически необоснованных расточительных решений. Факторов, способных сдерживать градостроительную экспансию, не существовало. Территориальный захват неосвоенных ранее участков города стал скорее правилом, нежели исключением из правил. Эта тенденция получила распространение не только на периферии города, но и в его центральных районах.

В условиях Волгограда подобное градостроительное освоение оказало заметное влияние на последующее формирование его структуры. Не предполагаемое изначально чрезмерное увеличение линейных параметров города стало естественным следствием «дешевых» способов освоения территории. Финансовые ресурсы, являющиеся неотъемлемым условием такого экстенсивного развития, были практически неограниченными. В силу этих обстоятельств подобная, предусматривающая «массовый» характер застройки, форма градостроительного освоения территории и связанные с ней планировочные мероприятия были положены в основу генерального плана 1975 г.

Волгоград, по сравнению с другими городами, обладал большими территориальными резервами, в то время как эффективность использования и территориальных, и финансовых ресурсов становилась одним из постулатов деятельности по развитию города. Крупномасштабные мероприятия, содержащиеся в генеральном плане города, были далеки от условий их практической реализации и могли рассматриваться не более чем концептуально. В этой ситуации наиболее объективными могли быть решения, направленные на «сдерживание» градостроительного развития. Их адаптация к реальным инвестиционным ресурсам происходила со значительным «отрывом» от первоначальных планировочных решений.

Эволюция процесса разработки генерального плана Волгограда в различные периоды показала несоизмеримость градостроительного и экономического потенциала развития территории. Это несоответствие послужило причиной значительного отставания объемов реализации градостроительных мероприятий по отношению к тем, что были обозначены в генеральном плане города. Каждый из генеральных планов города не был реализован в полном объеме, и каждый последующий содержал в себе достаточное количество необоснованных и грандиозных градостроительных программ, реализующих градостроительные принципы.

Исследование процесса разработки документов развития Волгограда показывает, что степень нереализованности генеральных планов города представляет собой не что иное, как степень реализации заложенных градостроительных принципов. Генеральный план, разработанный с тем расчетом, чтобы максимально соответствовать возможностям его реализации, демонстрирует либо отсутствие градостроительных принципов, либо наличие их в минимальном количестве. Следовательно, стремление к поиску идеальной пропорции «проект — реализация» является основной целью градостроительного проектирования.

Прогнозирование градостроительного развития города сопряжено с учетом градостроительных принципов в формировании его планировочной структуры. Генеральный план города — это, прежде всего, комплекс градостроительных принципов, положенных в основу его разработки. В различных городах главенствующую роль в формировании архитектурно-планировочной структуры играют разные группы принципов [2]. Их разнооб-

разие сводится к трем основным группам: функционально-планировочной, транспортно-планировочной организации и архитектурной композиции города. В зависимости от конкретных условий реального города градостроительные принципы проявляют себя по-разному.

Анализ содержания генеральных планов Волгограда может быть осуществлен посредством сравнения реализации принципов формирования планировочной структуры. Были рассмотрены следующие градостроительные принципы формирования генерального плана: структурирование территории, система общественных центров, особенности застройки. Использование этой группы принципов, идентифицированных в планировочных и инфраструктурных элементах, объектах градостроительной деятельности, способствует преемственности градостроительного развития города. Наряду с ними в качестве одного из ведущих принципов градостроительного развития территории города предложен и его образ. Эта категория, не так легко поддающаяся формальному описанию, пожалуй, как никакая другая способна раскрыть архитектурные черты города. Образ города способен сохранить в себе уникальные свойства эстетического и духовного состояния места и может рассматриваться как художественно-эстетический принцип формирования города.

Градостроительная система, будучи синтетическим образованием, не может рассматриваться исключительно с позиций либо рациональности, либо эстетики. Интеграция этих двух начал позволяет сформировать более объективное представление о закономерностях развития города.

В генеральных планах Волгограда, рассматриваемых через призму градостроительных принципов, выявлена следующая закономерность. Среди проблем, сопровождающих городское развитие, наиболее существенными в настоящее время являются те, которые оставались и переходили от предыдущего генерального плана к последующему.

Выдвигались различные идеи, выявлялись проблемы развития города, но не был проведен анализ выполнения мероприятий первого послевоенного генерального плана города. Видимо, в тот период времени представлялась вполне допустимой подобная ситуация, объясняемая сложностями привлечения финансов в послевоенный период. Следующий генеральный план города (1962 г.) по идее разрабатывался преемственно по отношению к предыдущему. Он был направлен на преодоление несоответствия в характере запланированных и осуществленных мероприятий, но также не подверг анализу причины этого несоответствия. Как и на предшествующем этапе развития города (с момента разработки генерального плана 1945 г. до 1962 г.), в 1975 г. не анализировались причины, не позволившие реализовать проектные предложения, составившие его основу.

Действенность механизма управления тем выше, чем в большей степени ранжированы пространственные элементы градостроительной системы. Конкретные управленческие рекомендации должны быть ранжированы по отношению к различным типам пространственных элементов градостроительной системы: каркасу, ткани, «плазме». Первая группа элементов обеспечивает устойчивое состояние системы. Необходимость выявления «опорных» элементов городских структур следует из эволюционного подхода к развитию города. Планировочные элементы, лишь незначительно преобразовываясь, функционируют как «проводники» из прошлого в будущее. Определенная степень сохранности таких элементов обеспечивает необходимые гарантии

преемственности последующего развития. В процессе градостроительной деятельности приходится сталкиваться с необходимостью эволюционных (частичных планировочных усовершенствований) или революционных преобразований, принципиально изменяющих пространственную организацию градостроительной структуры. Оба эти явления сопровождают друг друга. Пространственная среда города идентифицирует происходящие в ней процессы жизнедеятельности, и для сохранения «духа» городской среды планировочная структура города должна обладать устойчивыми чертами, составляющими ее материальную основу, а следовательно, иметь относительную целостность и устойчивость. В то же время посредством искусственного сдерживания развития города и противодействия новейшим тенденциям, а также под влиянием социально-экономических и общественных изменений сохранение пространственной организации территории невозможно. В этом смысле при обосновании перспектив развития пространственных структур стремление к полному сохранению в сложившейся пространственной организации городской среды утопично, и необходимо учитывать различные динамичные формы проявления общественной и экономической активности.

Регулирование, таким образом, приобретает адаптивную способность, позволяющую использовать его в различных градостроительных ситуациях с учетом региональных особенностей. Оказание воздействия на градостроительную систему существенно не сказывается на «плазме». Выделение в качестве доминантных элементов пространственных преобразований территории, различающихся по степени устойчивости, определяет логику городского развития (теория А. Э. Гутнова) [3]. Определенный характер взаимодействия элементов различной пространственной типологии позволяет дать более полное описание процесса градостроительного развития территории. При изучении принципов организации системы необходимо исследование особенностей развития каждого из пространственных типов элементов градостроительной системы.

Проблемы практической реализации градостроительных решений, как считалось длительное время, кроются в системе их разработки, не предполагавшей дифференциации элементов пространственной системы: они рассматривались идентично и безотносительно к процессам градостроительной устойчивости. В попытке добиться большей управляемости градостроительных объектов в основном прибегают к детализации проектных разработок (на уровне проекта застройки, проекта детальной планировки). Как правило, это не позволяет достигнуть поставленных целей. Следовательно, в системе управления регулирование ответственно за обеспечение рамочных условий реализации проектных решений.

Новые формы деятельности и способы их пространственной организации в большинстве своем не способны ужиться со стабильным состоянием планировки. В этом случае отсутствуют иные возможности, нежели изменение пространства для целей нового функционального использования.

Концепция преемственного развития градостроительных систем выражается взаимным учетом в градостроительной деятельности устойчивых и подвижных пространственных элементов. Преемственное градостроительное развитие неотъемлемо от постоянно и непрерывно происходящего процесса формирования градостроительных систем, которое заключается в совершенствовании их пространственно-планировочных преобразований.

Общегородской центр как наиболее устойчивый структурный элемент градостроительной системы в большей степени способен обеспечивать фактическую преемственность градостроительной эволюции. Процессы развития всей градостроительной системы интегрируются в пространственные формы развития городского центра. И наоборот, пространственные преобразования в центральной части стимулируют градостроительные изменения других планировочных частей города.

Общие принципы территориально-пространственного развития (расширение либо сохранение городских границ, увеличение либо сохранение физических размеров) города и его центра идентичны. Следовательно, при оказании регулирующего воздействия на главное структурообразующее ядро города опосредствованное воздействие ощущается и на всей градостроительной структуре. Не только количественный аспект объединяет город и его центр. Не меньшую роль в идентификации центрального городского ядра и планировочной структуры города играют качественные преобразования. Интенсификация градостроительных процессов в городском центре приводит к появлению признаков «центральности» на периферийных участках города. Таким образом, пространственно-планировочные элементы городской структуры, повышающие ее устойчивость, не только локализируются в центральном ядре, но и проникают в различные части города. Эта тенденция получила название «формирование полицентрической системы центра».

Назначение любых управляющих мероприятий заключается в том, чтобы, обладая определенным набором средств, оказывать запланированные воздействия на систему. Проектируя градостроительный объект, имеют в виду формирование материально-пространственной среды, вмещающей в себя функциональные процессы с определенными, известными заранее показателями. Функциональные требования к объекту не постоянны, они корректируются его потребителями. Крайне важно, чтобы проектные показатели предусматривали возможность их адаптации к последующим переменам. В то же время очевидно, что в рамках градостроительного проекта невозможно обеспечить бесконечно большое количество регламентных показателей освоения (реконструкции) территории. Достижение этого состояния обеспечивается соблюдением регламентации составляющих систему элементов каркаса и ткани.

Изменение общей социально-экономической ситуации начала 1990-х гг. невольно отодвинуло на задний план динамику значительного отставания проектных разработок от практических результатов градостроительной деятельности. Учитывая принципиально изменившиеся социально-экономические условия и комплексно оценивая положения действующего генерального плана Волгограда, можно установить, что он не в полной мере учитывает весь комплекс градостроительных принципов, не реализованных предшествующими генеральными планами города. Не реализованные за пятидесятилетие принципы еще больше обостряют современную градостроительную ситуацию. Нельзя, однако, ограничиться простым суммированием проблем. Необходимо из всего перечня выделить актуальные (крупные) проблемы, требующие учета в новом генеральном плане.

Эта задача приобретает все большую значимость сегодня, когда Волгоград живет по законам, обозначенным в принципиально новом документе, разработанном в соответствии с Градостроительным кодексом РФ. Более то-

го, крупномасштабные мероприятия администрации Волгограда 2012—2013 гг. по подготовке новой стратегии социально-экономического развития города не могут не отразиться на содержании генерального плана как нормативно-правового акта и документа территориального планирования, они требуют внесения в него существенных изменений. В этой ситуации особые опасения вызывают факты наличия в генеральном плане идеальных концептов, недостаточно обоснованных современными условиями развития градостроительных систем.

С этой целью предложена методологическая система, построенная на совокупности основных проблем и принципов пространственной организации градостроительной системы, не только диагностирующих наличие первых, но и определяющих способы их решения. Имеются в виду системные проблемы, оставшиеся «в наследство» от предыдущих генеральных планов, решение которых должно быть обеспечено в процессе разработки нового документа, определяющего перспективное градостроительное развитие города. Основная цель, преследуемая подобной исследовательской новацией, — повышение управляемости, устойчивости и преемственности в развитии градостроительной структуры. Выявленные принципиальные положения будут способствовать объективности принимаемых градостроительных решений, и в итоге генеральный план Волгограда станет документом, ориентированным на максимальное соответствие реальным социально-экономическим условиям и адаптированным к возможным их изменениям, что никак не умаляет полноты учета особенностей функционирования конкретного города.

Обоснование принципов использования современных градостроительных технологий базируется на выявлении способов решения актуальных градостроительных проблем как следствие процесса практической реализации генеральных планов города. Приоритеты генерального плана, определяемые на основании предлагаемой методологической системы, в результате приобретают статус социально-экономической стратегии, направленной на формирование среды обитания в новом, XXI веке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Донцов Д. Г., Игнатьев В. А., Юшкова Н. Г. Концепции регулирования использования и застройки территории Царицына — Сталинграда — Волгограда. М. : Стройиздат, 2003.

2. Авдоткин Л. Н., Лежава И. Г., Смоляр И. М. Градостроительное проектирование. М. : Стройиздат, 1989. С. 71.

3. Гутнов А. Э. Эволюция градостроительства. М. : Стройиздат, 1984.

1. Dontsov D. G., Ignat'ev V. A., Yushkova N. G. Kontseptsii regulirovaniya is-pol'zovaniya i zastroyki territorii Tsaritsyna — Stalingrada — Volgograda. M. : Stroyizdat, 2003.

2. Avdot'in L. N., Lezhava I. G., Smolyar I. M. Gradostroitel'noe projektirovanie. M. : Stroyizdat, 1989. S. 71.

3. Gutnov A. E. Evolyutsiya gradostroitel'stva. M. : Stroyizdat, 1984.

© Юшкова Н. Г., 2013

Поступила в редакцию
в июне 2013 г.

УДК 332.142.4

*В. Г. Поляков,
С. О. Яценко***ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ
В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ**

Рассматриваются особенности обеспечения экономической справедливости по отношению к населению города с точки зрения бюджетных отношений и взаимодействия государства и частного бизнеса.

Ключевые слова:

город,
социальная справедливость,
бюджет,
ГЧП,
инфраструктура.

*V. G. Polyakov,
S. O. Yashchenko***ECONOMIC JUSTICE
IN THE URBAN ENVIRONMENT**

The paper discusses the features to ensure economic justice for the citizens from the point of view of budgetary relations and cooperation between the state and private business.

Key words:

city,
social justice,
budget,
PPP,
infrastructure.

Тема комплексного развития городов объективно должна перекликаться и быть обусловлена соответствующими областными особенностями и проблемами (субъектов Федерации). В связи с этим считаем необходимым рассмотреть условия развития города (на примере Волгограда) в рамках региональной проблематики.

Часто экономистами и обывателями употребляется термин «устойчивое развитие», описывающий процесс изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений в рамках рассматриваемого объекта — муниципального образования или субъекта Федерации. Чаще всего в данном случае критерием устойчивого развития территорий считается обеспечение качества жизни населения, что подразумевает под собой эколого-экономическое решение социальных вопросов на различных уровнях.

Экономическая составляющая первична в существовании и развитии общества (города), а основой является бюджет муниципального образования. Доходная часть бюджета Волгограда на 2012 г. рассчитана в объеме 13,8 млрд р., расходная часть — 14,5 млрд р. [1]. На рис. представлены абсолютные значения дефицита муниципального бюджета в 2010—2012 гг.

Основными налогоплательщиками региона являются ОАО «Волжская ГЭС», ОАО «Волжский трубный завод», ООО «ЛУКОЙЛ-Волгограднефтепереработка», ООО «Волгоградтрансгаз», ООО «Себряковцемент», ООО «Табачная фабрика Реemtсма-Волга», ОАО «Каустик», ООО «ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть», АО «Волгоградэнерго», ОАО «Волжский оргсинтез», ЗАО «Камышинский стеклотарный завод», ЗАО «ВМЗ “Красный октябрь”», ООО «Волгоградский завод буровой техники», ООО «Торговый дом ВЗБТ», ОАО «Волгограднефтемаш», ВОАО «Химпром», ОАО ВФ «Нефтезаводмонтаж», ФГУП «ПО “Баррикады”», ОАО «Волгоградский тракторный завод» [2] и другие промышленные предприятия, которые являются и основными загрязнителями окружающей сре-

ды. Основные виды налогов, которые остаются в муниципальной казне, — земельный налог и НДФЛ.

Ограниченные средства и большой дефицит бюджета не позволяют эффективно содержать и развивать город. Кроме того, присутствуют «перекосы» финансирования самого аппарата муниципальной власти. Так, если в 2010 г. расходы на содержание работников органов местного самоуправления в расчете на одного жителя муниципального образования составили 567 р., то в 2011 г. они выросли на 33,5 % до 757 р. при текущем уровне инфляции в стране не более 10 % в среднем. Соответствующего роста эффективности функционирования муниципальной власти, значимого экономического роста или повышения качества жизни населения зафиксировано не было.

Наиболее чувствительной отраслью для данных финансовых ограничений стала транспортная инфраструктура и, как следствие, — инфраструктурный коллапс (волгоградские дороги с недавних пор стали известны на всю страну), неухоженные засохшие зеленые насаждения парков и придорожных территорий и пр. Неудовлетворительные дорожные условия в городе являются причиной 40 % аварий. По данным ГИБДД Волгоградской области, в первом квартале 2013 г. выявлено 1745 нарушений в содержании улично-дорожной сети, тогда как в прошлом году их было 1692. Основными техническими проблемами дорожной сети Волгограда являются: недостаточное освещение проезжей части, скользкое покрытие, неровное покрытие, дефекты покрытия, отсутствие разметки и ее плохая видимость, отсутствие ограждений при производстве работ и др. Общая протяженность улиц, проездов, набережных города не меняется последние 3 года ни на метр — 1768 км, в том числе освещенных 1349,4 км [3]. По указанным данным можно говорить о тупике или пределе развития муниципальной дорожной сети в текущих условиях.

Указанные трудности крайне негативным образом сказываются на параметрах человеческого капитала Волгограда, сокращая численность, трудоспособность населения и возможно-

Об авторах:

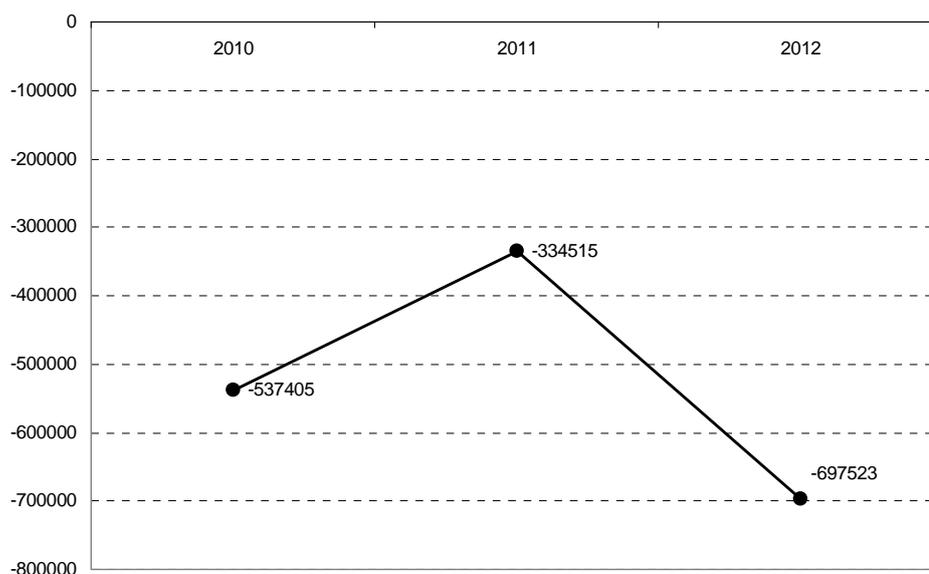
Поляков Владимир Геннадьевич —
д-р экон. наук, доцент,
зав. кафедрой
экономической теории
и экономической политики, ВолГАСУ

Poljakov Vladimir Gennadevich —
Doctor of Economic Science, Docent,
the Head of Economic Theory and Economic
Policy Department, VSUACE

Яценко Сергей Олегович —
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры экономической
теории и экономической политики,
ВолГАСУ

Yashchenko Sergey Olegovich —
Candidate of Economic Science, Docent,
Docent of Economic Theory and Economic Policy
Department, VSUACE

сть эффективно работать в пределах всего города. Кроме того, в связи с ограниченной пропускной способностью транспортной инфраструктуры город не удовлетворяет логистическим требованиям крупных компаний международного уровня, что многократно снижает его инвестиционную привлекательность. Но самое важное, что подобное состояние транспортной инфраструктуры накладывает ограничение на экономический рост Волгограда и служит фактором кризисных явлений в экономике всего региона.

Дефицит муниципального бюджета Волгограда в 2010–2012 гг., тыс. р.
(составлено авторами на основе [3])

Негативными считаем также крайне низкие темпы прироста муниципального жилого фонда. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, выросла за 3 года на ничтожные 2,8 %, что неприемлемо для города-миллионника, испытывающего серьезные трудности с обеспечением населения жильем. Инвестиции в основной капитал за счет средств муниципального бюджета в 2011 г. рухнули до рекордно низкого уровня в 395 млн р., что ниже того же показателя 2010 г. на 60 %, или в 2,5 раза [4]. Соответственно сократился и показатель ввода в действие жилых домов на территории муниципального образования с 325 551 до 252 879 м² площади, т. е. на 23 %. Убыточных предприятий муниципальной формы собственности стало на 43 % больше.

Также считаем, что отрицательно скажутся на доходной части муниципального бюджета нововведения областной администрации, касающиеся передачи управления муниципальными землями на региональный уровень. Это однозначно ухудшит «собираемость» земельного налога, сработает принцип «чем дальше от объекта — тем меньше ответственность за использование каждого отдельного участка земли». Экономическая справедливость в этом отсутствует.

Справедливость — это одно из базовых понятий экономики, сосуществующее часто с социальным аспектом науки. В англоязычной экономической

литературе ему посвящены отдельные статьи в самых известных словарях международного уровня. Экономическая справедливость понимается как беспристрастность в экономических процессах и явлениях, проявляющаяся в равенстве прав на максимальную личную свободу, совместимую со свободой других индивидов, в невозможности гарантировать экономическое равенство в конкурентной природе неравенства, являющегося результатом свободной конкуренции, а также в утилитарной обоснованности неравенства, оправдываемого лишь настолько, насколько оно приносит пользу всем членам общества.

Основным двигателем экономического прогресса является прибыль. Если предприятие рентабельно, то выполняются все принципы развития общества — экономические, социальные, экологические. Хорошим принципом синергетического развития бизнеса и общества в современных условиях является принцип государственно-частного партнерства (ГЧП). Основной функцией ГЧП является привлечение частного капитала и управленческого опыта, накопленного в негосударственном секторе экономики, к созданию и управлению стратегически значимыми для государства сферами.

Механизм государственно-частного партнерства позволяет привлекать инвестиции в значимые объекты, в том числе и являющиеся государственной собственностью, приватизация которых невозможна или нежелательна в силу специфики выпускаемой продукции или оказываемых услуг. Основными целями субъектов государственно-частного партнерства являются: поддержание существующих, создание новых объектов, а также получение гарантированной прибыли в проектах, реализуемых на льготных условиях и обеспеченных стабильными заказами на товары и услуги.

Инструментами ГЧП являются финансовая аренда, концессионные механизмы, Инвестиционный фонд РФ, технико-внедренческие зоны и пр. Национальный проект развития отрасли также является выражением формата объединения этих инструментов в программно-методическом комплексе мер.

Партнерство государства и бизнеса как институциональный и организационный союз в целях реализации национальных или локальных общественно значимых проектов может позволить развить инженерную и транспортную инфраструктуру, возродить агропромышленный комплекс, жилищно-коммунальный сектор, дать стимул развитию сферы высоких технологий и строительству новых крупных промышленных комплексов.

Сущность взаимодействия участников партнерства не сводится только к выбору направлений и объемов вложения средств, поскольку необходимо стимулировать инвестиции, находить решение инфраструктурных проблем. Совершенствование налоговой системы, предоставление концессий, финансирование проектов с привлечением частных инвестиций, применение лизинговых технологий инвестирования обновления устаревшей материально-технической базы — вот мероприятия, предлагаемые к использованию. Риски целевого и эффективного использования финансовых ресурсов разделяются между государством и частным инвестором.

Так как бюджет и городов Волгоградской области, и всего субъекта Федерации ограничены (бюджет Волгоградской области в 2012 г. имел максимальный, критический дефицит, определяющий ситуацию близкой к конкурсному внешнему управлению) [5], то участие органов власти в ГЧП за-

ключается в выделении земельных участков, подготовке нормативно-правовой базы, стимулировании и льготировании инвестиционных проектов, работе на уровне Федерации. Необходимо наращивать доходную часть бюджета, заниматься вопросами инвестирования, привлекать частного инвестора. Важно в современных условиях помогать бизнесу в строительстве инфраструктурных объектов электроэнергетики, газификации, водоснабжения и канализования.

Основным принципом работы Федерации с субъектами на сегодняшний день остается долевой — финансирование 50 на 50 и обязательное наличие утвержденной проектно-сметной документации [6]. Хорошие примеры реализации данного принципа при строительстве социально значимых объектов — мостовой переход через Волгу, Федеральный центр трансплантации почки и диализа в Волжском, строительство Волгоградского областного клинического перинатального центра в Волгограде.

Нынешней администрацией Волгоградской области в качестве приоритетных объявлены три инвестиционных инфраструктурных проекта — реконструкция Центральной набережной, строительство аэропорта и Третьей Продольной магистрали. Безусловно, эти объекты нужны городу, но законы экономики диктуют: сначала надо заработать деньги, получив дополнительные налоги, и за счет них проектировать и строить новые инфраструктурные объекты. В сложившейся экономической ситуации города Волгограда и области этого нет.

Указанные три инфраструктурных объекта, приоритетность которых продекларирована областной властью, должны пройти ряд этапов до их реализации:

- 1) за счет средств города или субъекта Федерации (или на условиях софинансирования) разрабатывается проектная документация;
- 2) проводится государственная и экологическая экспертиза;
- 3) в бюджете города и области закладываются средства для строительства.

Только после указанного выше проект заявляется в Министерство регионального развития РФ и Министерство экономического развития РФ для финансирования и реализации проекта.

Особый аспект экономической справедливости — это система управления или менеджмента в городе и регионе. Эффективное управление невозможно, если его субъектами выступают люди, которые чувствуют себя «временщиками». Срок работы предыдущего губернатора и его команды — два года — по сути, является только вхождением в специфику и пониманием сложности существующих проблем и поставленных задач, но не реализацией стратегических замыслов. Волгоград — город-миллионник — на протяжении нескольких лет «управляется» исполняющими обязанности. И как результат — отсутствие стратегии развития города, удручающий внешний вид и падающий авторитет. В таких условиях реализация экономической справедливости на городском уровне вряд ли возможна. Тем не менее, анализ социально-экономического положения Волгограда за 2010—2012 гг. свидетельствует в основном о положительной динамике по многим показателям социально-экономического развития города, что вселяет здравый оптимизм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мониторинг социально-экономической ситуации в Волгоградской области (по состоянию на 1 января 2012 года) / Администрация Волгоградской области ; Комитет экономики. Волгоград, 2012.

2. Волгоградская область. Справочник для инвестора = Volgograd region. Reference guide for investors. Волгоград, 2012.

3. Центральная база статистических данных. Федеральная служба государственной статистики [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12.06.2013).

4. Информация об итогах социально-экономического развития Волгоградской области за январь — март 2012 года, оценке за 1 полугодие и 2012 год в целом / Комитет экономики Администрации Волгоградской области. Волгоград, 2012.

5. Материалы Итоговой коллегии Министерства экономического развития РФ 2012 год: «Экономика России в 2008—2011 годах». М., 2012.

6. Прогноз социально-экономического развития Волгограда на 2011 год и плановый период 2012—2013 годов / Департамент экономики администрации Волгограда. Волгоград, 2012.

1. Monitoring sotsial'no-ekonomicheskoy situatsii v Volgogradskoy oblasti (po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2012 goda) / Administratsiya Volgogradskoy oblasti ; Komitet ekonomiki. Volgograd, 2012.

2. Volgogradskaya oblast'. Spravochnik dlya investora = Volgograd region. Reference guide for investors. Volgograd, 2012.

3. Tsentral'naya baza statisticheskikh dannykh. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Elektron. resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru> (data obrashcheniya: 12.06.2013).

4. Informatsiya ob itogakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Volgogradskoy oblasti za yanvar' — mart 2012 goda, otsenke za 1 polugodie i 2012 god v tselom / Komitet ekonomiki Administratsii Volgogradskoy oblasti. Volgograd, 2012.

5. Materialy Itogovoy kollegii Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF 2012 god: «Ekonomika Rossii v 2008—2011 godakh». М., 2012.

6. Prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Volgograda na 2011 god i planovyy period 2012—2013 godov / Departament ekonomiki administratsii Volgograda. Volgograd, 2012.

© Поляков В. Г., Яценко С. О., 2013

*Поступила в редакцию
в июне 2013 г.*

УДК 711(470.12)

*А. С. Барболина-Лойко,
И. К. Белоярская*

**СЕВЕРНЫЕ ГОРОДА РОССИИ:
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ
ДОМИНАНТЫ И СТРУКТУРА
ГОРОДОВ**

Город Тотьма является одним из характерных русских городов, прошедших все этапы своего градостроительного развития. Первоначально поселение располагалось в 15 км от современного города. В 1554 г. произошло перенесение посада, постройка укрепленного острога. За стенами крепости начал разрастаться посад, строились торговые ряды. Конец XVIII в. — время расцвета Тотьмы. Первый регулярный план города был утвержден 24 февраля 1781 г. Основы планировочной композиции Тотьмы были сформированы еще в дорегулярный период развития города.

Ключевые слова:
доминанта,
композиция,
структура города,
кремль,
силуэт.

*A. S. Barbolina-Loiko,
I. K. Beloyarskaya*

**NORTHERN CITIES OF RUSSIA:
URBAN PLANNING DOMINANTS
AND CITY STRUCTURE**

The city of Totma is one of the characteristic Russian cities which passed all the stages of its urban planning development. Originally the settlement was 15 km far from the modern city. In 1554 the suburb, the construction of a strengthened jail, was moved. The suburb began to grow over the walls of the fortress and new shopping streets were built. The end of the XVIII century is the time of blossom for Totma. The first regular plan of the city was approved on February 24, 1781. The bases of the planning composition of Totma were created during the pre-regular period of the city development.

Открытие Северного пути в Западную Европу в 1553 г., который проходил по Сухоне и Северной Двине к единственному в те времена морскому порту в городе Архангельске, для многих северных городов стало временем расцвета. Одним из таких городов был древний город Русского Севера Тотьма, расположенный на живописном берегу реки Сухоны (рис. 1).

Первоначально поселение располагалось в 15 км от современного города, ниже по течению реки Сухоны в месте впадения в нее речки Тотьмы. В настоящее время эта местность, где располагались первые соляные заводы, называется у окрестных жителей Варницы. Соль — важнейший и очень дорогой в то время продукт питания — выпаривалась из соляного рассола, который добывали с помощью деревянных труб из соляных ключей глубокого залегания. Первые соляные варницы построили жители деревень Углицкой и Галицкой на берегах рек Ковды, Ляпунихи и Солонухи. Считается, что именно жители Тотьмы первыми на Руси освоили соляной промысел. «Завод Тотемский едва ли не тот, где родилось и откуда распространилось искусство устраивать рассоло-подъемные трубы» [1].

Первое поселение, где разместились соляные варницы, получило название Посад Соли Тотемской. По сведениям церковной летописи церкви Иоанна Предтечи, в городе Тотьма оно возникло около 1500 г., в это время на посаде уже существовала деревянная церковь Ильи-пророка. Также на посаде располагались земская изба, мастерские по производству рассолоподъемных труб, амбары и складские помещения, жилые и хозяйственные постройки, кузницы, деревянная церковь Воскресения. В конце XVI в. на посаде на речке Ковде существовал Борисоглебский монастырь.

В 1554 г. поселение Посад Соли Тотемской переносится на возвышенную территорию, в место впадения речки Песья Деньга в Сухону. Во вновь отстроенную крепость, которую называли Кремль-городом, переселились тотьмичи, и новое поселение также было названо Тотьмой. Новый острог представлял собой в плане прямоугольник с восемью башнями, четыре из которых были наугольные, четыре средние. Названия башни получили от церквей, на которые они бы-

Key words:

dominant,
composition,
city structure,
kremlin,
silhouette.

ли ориентированы: Рождественская, Воскресенская, Благовещенская, Троицкая и т. д., со стороны посада существовала Воротная башня, через которую был оборудован вход в кремль, и напротив нее Тайнишная башня, в которой хранилось различные боеприпасы и оружие. Вокруг кремля, за исключением западной стороны, где крепость омывалась водами речки Песьей Деньги, был насыпан земляной вал и выкопан ров, заполненный водой, глубиной 15 м, а в ширину достигавший 200 м.

По писцовой книге 1623 г., на территории острога числились две деревянные церкви — Рождественская соборная и Богоявленская теплая церковь; колокольня; земская изба, где собирались выборные люди для совещаний о раскладке податей, решались вопросы защиты города от неприятеля; осадные дворы Спасо-Прилуцкого, Николо-Угрешского, Спасо-Суморина монастырей; двор Ольги Строгановой; амбары для хранения военного снаряжения и боеприпасов.

За стенами крепости начинал разрастаться посад, строились торговые ряды. Заселение территории началось в основном вверх по берегу реки Песьей Деньги и вниз по Сухоне. Строились жилые дома, хозяйственные постройки, причалы для судов, складские амбары, кузницы.

Перенос поселения Тотьма был продиктован несколькими причинами. Во-первых, поселение Старого Тотемского Посада неоднократно разрушалось татаро-монголами, междоусобными войнами великих князей, нашествием казанских татар в 1539 г., разоривших город. Поэтому необходимо было найти безопасное место вблизи соляных промыслов, стратегически выгодное для строительства мощной укрепленной крепости. Во-вторых, расположение города на берегу судоходной реки обеспечивало его процветание, тем более Тотьма стала крупным транзитным узлом на пересечении двух важных водных путей: из Москвы в Сибирь — по Сухоне, далее волоками на Каму, на Урал — и из Москвы в Европу — по Сухоне, Двине в Западную Европу через Архангельск.

Кроме солеваренных промыслов, большую роль в развитии города играла торговля. Вологда, Великий Устюг, Тотьма, Сольвычегодск

Об авторах:

Барболина-Лойко Анна Сергеевна — аспирант секции реставрации и реконструкции архитектурного наследия, Вологодский государственный технический университет

Barbolina-Lolko Anna Sergeevna — Postgraduate student of the Section of Restoration and Reconstruction of the Architectural Heritage, Vologda State Technical University

Белоярская Ирина Константиновна — проф., канд. архитектуры, Вологодский государственный технический университет, beloyarskayaik@vstu.edu.ru

Beloyarskaya Irina Konstantinovna — Professor, Candidate of Architecture, Vologda State Technical University

были крупнейшими перевалочными пунктами на главнейшем торговом пути к внешнему порту Архангельску, через который осуществлялась торговля с Англией, а затем с Голландией.

Рис. 1. Вид города Тотьмы. Гравюра Корнелия Де Бруина, 1711 г.

Город занимал выгодное географическое и экономическое положение, постепенно увеличивался в размерах, богател, появлялись и развивались различные ремесла, шла торговля. Тотьму неоднократно посещали русские цари: великий Московский князь Иван Грозный, император Петр I.

С открытием выхода в Балтийское море в начале XVII в. уменьшился поток грузов по Северному торговому пути, и во многих городах, расположенных на этом пути, стала затихать жизнь, и каждый из них постепенно превращался в тихий провинциальный городок. Однако Тотьма продолжала расти и развиваться.

Особое значение для Тотьмы имели торговые связи с Сибирью, а также крупные промысловые экспедиции к Тихому океану. Тотемские купцы снаряжали многочисленные экспедиции к северным морям, они открыли Командорские, Алеутские острова, ходили к берегам Аляски и Северной Калифорнии. Первооткрывателями новых земель из тотемских купцов можно назвать Постникова, Я. Протасова, Петра и Григория Пановых, награжденных Екатериной II золотыми медалями. Самым известным из мореплавателей-первооткрывателей является Иван Александрович Кусков (1765—1823). Он около 30 лет проработал в Северной Америке, открывал там новые русские поселения, самым известным из которых был Форт Росс. Он много сделал для того, чтобы в непростых и опасных условиях тех лет обеспечить пушной промысел, который давал большие прибыли государству и купечеству. Конец XVIII в. — время расцвета Тотьмы, она становится одним из самых богатых городов Русского Севера.

В XVIII столетии происходит переустройство русских городов на регулярной основе (рис. 2). Процесс архитектурно-градостроительных преобразо-

ваний шел очень неравномерно и только к концу XVIII в. приобрел общегосударственные масштабы. В большинстве русских городов перепланировка вела к изменению, кардинальному нарушению или даже уничтожению их прежней структуры.

Рис. 2. Регулярный план города Тотьмы, 1781 г. Фрагмент

Тотьма к XVIII в. претерпевала определенную эволюцию: в связи с увеличением роли промышленности и торговли произошло увеличение застройки посада, усложнение структуры города, изменение соотношения с окружающей природной средой. Изменился облик города: были возведены каменные церкви и соборы (в том числе взамен сгоревших деревянных при пожаре 1743 г.), возросла их роль как композиционных высотных доминант среди многочисленной деревянной застройки жилых усадеб, при этом слабела значимость деревянного кремля, который приходил в упадок и не восстанавливался.

Первый регулярный план Тотьмы был утвержден 24 февраля 1781 г. Он представлял собой замечательный пример грамотного градостроительного замысла архитектора при перепланировке древнерусского города. При упорядочивании застройки и выпрямлении улиц города была сохранена первоначальная объемно-пространственная композиция Тотьмы. Уличная сеть дорегулярного города представляла собой ветвисто-порядковую систему. Характер первого регулярного плана не был агрессивным по отношению к сложившейся структуре города, напротив, он закрепил основные градостроительные узлы города, поддержал ветвистую систему улиц северо-восточной части в регулярно-геометрическом исполнении и корректно продолжил намечавшуюся порядковую систему кварталов в восточной части города.

Силуэт Тотьмы являлся активной составной частью художественного образа города и имел громадное значение в формировании застройки. Если в XVII в. особо важная роль в силуэте древнерусского города принадлежала ансамблю кремля, который служил административным и религиозным центром города, то теперь выразительность силуэта городской панорамы придавали культовые здания и сооружения, которые играли наибольшую роль в жизни общества. Ведущая роль в силуэте города принадлежала различным по форме завершениям храмов — главкам, куполам, которые придавали яркое художественное своеобразие архитектурному облику Тотьмы (рис. 3).

Рис. 3. Вид города Тотьмы конца XVII в. Фрагмент

Основы планировочной композиции Тотьмы были сформированы еще в дорегулярный период развития города. Ядром поселения выступала деревянная крепость-кремль. Главной пространственной осью города являлась улица, идущая параллельно течению реки Песья Деньга, композиционно связывающая соляные варницы с причалом на реке Сухоне, которая являлась транспортной артерией города.

Деревянная жилая застройка концентрировалась в основном вокруг острога и по обеим сторонам этой дороги. В дорегулярный период сформировалась система деревянных храмов, которая в дальнейшем была закреплена посредством каменной архитектуры. Такая планировочная система города была подчинена специфике занятий местных жителей — добыче и торговле солью.

За речкой Песья Деньга выше по реке Сухоне располагалась Зеленская слобода — Зелена. Свое название она получила только в 1780—1781 гг., при составлении первого генерального плана Тотьмы, до этого в писцовых книгах XVII в. она называлась «на посаде за Песьей Деньгой» или Троицкой стороной за Песьей Деньгой (от названия Троицкой церкви). Образовалась же эта слобода еще в 1499 г., когда «тотемский тиун Федос Микулин дозволяет крестьянину Нифонту Лихачу Клементьеву сыну ставить деревню от устья Песь-

ей Деньги вверх по Сухоне до Коровья оврага и от устья Песей Деньги до Свинца». Первоначально занятиями местных жителей было огородничество и выращивание хмеля, с 1643 г. — рыболовство, и слобода получает название Рыбачьей. В середине XVI в. поблизости от города на мысу между речками Песья Деньга и Ковда образовался Спасо-Суморин монастырь, который в дальнейшем имел большое влияние на жизнь города.

К началу XVII в. застройка Тотьмы была полностью деревянная, по данным переписной книги 1623 г., на посаде числилось 20 церквей, 199 жилых дворов и 8 соляных варниц на Старом посаде. Город постепенно богател, росло население, расширялся посад.

После большого пожара 4 мая 1743 г. уничтоженные огнем деревянные церкви начали восстанавливаться в камне — Богоявленский собор (1744—1749 гг.), Воскресенская церковь (1744—1749 гг.), Входиерусалимская церковь (1744—1794 гг.), Успенская церковь (1749—1755 гг.) и т. д. Именно в это время в городе Тотьма складывается самобытный, нигде больше не встречающийся стиль под названием «тотемское барокко».

Утрачивается значение кремля как оборонного центра, в писцовой книге 1747 г. сообщается, что четыре деревянные рубленые башни «погнили и развалились», к этому времени от них осталось только «башенное место», обвалился осадной колодец, опустели дворовые места Спасо-Суморина, Николо-Угрешского монастырей, бывшее дворовое место Ольги Строгановой. Пустые дворовые места занимают территорию длиной 40, поперек 30 сажен.

С эмоционально-художественным ослаблением значимости прежнего городского ядра образуется и увеличивает свое влияние новый градостроительный узел — Торговая площадь. Она расположилась не под стенами кремля, как предполагает традиционная схема формирования древнерусского города, а выше по течению реки Песья Деньга, на пересечении главной Пробойной улицы и дороги в Великий Устюг.

Новая композиционная система города была представлена планом 1781 г. Можно четко проследить тесную преемственную связь перепланировки Тотьмы XVIII в. с дорегулярной планировкой. Регулярным планом города были учтены направления всех основных улиц и закреплены градостроительные узлы, это послужило раскрытию визуальных перспектив и выявлению пространственной ориентации в системе застройки. Главная улица города, которая шла от причала к соляным варницам, была представлена системой открытых и закрытых пространств церковных площадей, которые были расширены. Западная незастроенная часть города была решена с помощью применения прямоугольной сетки кварталов, что нисколько не испортило новую композиционную систему, а, напротив, поддержало прослеживающуюся порядковую систему дорегулярного города. Чтобы связать исторически сложившуюся западную часть города с рационально-геометрической системой кварталов восточной части и разнообразить последнюю, авторами проекта было принято решение перенести административный центр на новое место.

Таким образом, регулярный план 1781 г. внес свои коррективы в уже сложившуюся пространственную структуру города, рационально упорядочил городскую застройку, выпрямил в расширил улицы. Он был практически полностью реализован, кроме перенесения общегородского центра. В дальнейшем город развивался в установленных границах первого регулярного плана (рис. 4, 5) [2].

Рис. 4. План города Тотьмы, 1842 г. Фрагмент

Рис. 5. Вид на Торговую площадь с колокольни Входеоерусалимской церкви. 2011 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Попов В. Т.* Город Тотма Вологодской губернии. Исторический очерк. Вологда : Типография Вологодского Губернского правления, 1886. С. 11.

2. *Белоярская И. К.* Архитектурно-планировочное развитие города Тотмы // Вузовская наука — региону : материалы шестой всероссийской научно-технической конференции : в 2-х т. Вологда : ВоГТУ, 2008. Т. 1.

1. *Popov V. T.* Gorod Tot'ma Vologodskoy gubernii. Istoricheskiy ocherk. Vologda : Tipografiya Vologodskogo Gubernskogo pravleniya, 1886. S. 11.

2. *Beloyarskaya I. K.* Arkhitekturno-planirovochnoe razvitie goroda Tot'my // Vuzovskaya nauka — regionu : materialy shestoy vserossiyskoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii : v 2-kh t. Vologda : VoGTU, 2008. T. 1.

© Барболина-Лойко А. С., Белоярская И. К., 2013

*Поступила в редакцию
в июне 2013 г.*

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланки* <http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>), 2) анкеты автора (<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт *основного текста* — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзачным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

АВТОРАМ

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство современного города.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508.** Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. E-mail: jurnalfil@mail.ru (в теме указать: для Б.А. Навроцкого).

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: mariaapes@mail.ru

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2013. № 3

Научно-теоретический журнал

Редактор *М.Л. Песчаная*

Компьютерная правка и верстка *М.Л. Песчаная*

Перевод на английский язык *О.Ю. Юшко*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потоккина-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова*

Подписано в печать 21.08.2013.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 7,3. Тираж 500 экз. Заказ № 49

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолГАСУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1